

ИСТОРИЯ ПОБЕЖДЁННЫХ

ЯРОСЛАВ АРДЕН

Ярослав Арден

История побеждённых

«Автор»

2026

Арден Я.

История побеждённых / Я. Арден — «Автор», 2026

Студент-историк Артём Веденин оказывается в Лаоре — городе на обломках древней цивилизации, за три века до знаменитой победы полководца Ровена. Артём знает итог этой войны по учебной летописи: мятежные жители сами погубят защитников, а Ровен восстановит порядок. Но первые найденные документы не совпадают с книгой из будущего. Став придворным переводчиком, Артём обнаруживает списки мирных людей, которых заранее объявили вражеской армией, и древнюю водную машину, ошибочно принятую за оружие. Чтобы спасти нижние кварталы и новую семью, ему придётся отказаться от удобного знания готовой истории, научиться отвечать за собственные ошибки и доказать правду так, чтобы она не зависела от одного героя. «История побеждённых» — приключенческое фэнтези о попаданце без боевых сверхспособностей, осаждённом городе, цене точного слова и людях, которые возвращают имена тем, кого победители собирались превратить в безымянные потери.

© Арден Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Сноска, которой не было	6
Глава 2. Человек без языка	12
Глава 3. Город на костях машин	17
Глава 4. Переводчик при дворе	25
Глава 5. Победитель входит в хронику	33
Глава 6. Неправильная победа	40
Глава 7. Дом архивиста	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ярослав Арден

История побеждённых

От автора

Мы привыкли думать, что прошлое уже случилось и потому не может спорить с нами. Но спорит не прошлое — спорят оставленные людьми слова, вещи и решения тех, кто выбирает, чему дать имя, а что назвать несущественным.

Это приключенческий роман о человеке, который попал не просто в другую эпоху, а внутрь знакомой ему исторической ошибки. Его знание будущего не делает его самым сильным и не даёт готового ответа. Оно лишь заставляет внимательнее смотреть на тех, кого удобная летопись заранее вычеркнула.

Здесь перевод означает ответственность: неверное слово способно открыть дверь, погубить квартал или превратить живых людей в безымянную армию на полях чужой книги.

Глава 1. Сноска, которой не было

К полуночи читальный зал начинал разговаривать.

Днём в нём шуршали куртки, звякали ложечки из автомата с кофе, кто-нибудь обязательно спрашивал розетку и получал в ответ раздражённый взмах руки. Ночью оставались только батареи, старые часы над дверью и бумага. Батареи вздыхали. Часы подталкивали секунды сухими щелчками. Бумага отзывалась на каждый поворот страницы, словно не любила, когда её будят.

Артём Веденин сидел под зелёной лампой, растирал большим пальцем вмятину от карандаша и в четвёртый раз перечитывал одну и ту же строку.

«В лето падения Лаора мятежные полки нижних ворот, числом двенадцать тысяч, оставили стены и предали город огню».

Фраза была ему знакома почти наизусть. Она кочевала из статьи в статью, из учебника в учебник и даже попала в тему его курсовой: «Образ лаорского предательства в имперской историографии». На семинаре профессор Зорин произнёс её с таким удовольствием, будто лично поймал двенадцать тысяч предателей у ворот.

Проблема была в полях.

Справа от строки, там, где прежде оставалось чистое желтоватое пространство, теперь теснились семь знаков. Они были мельче основного письма, нанесены бурой краской и напоминали ряд крючков, каждый из которых цеплялся за следующий.

Артём придвинул лампу.

— Не смешно, — сказал он пустому залу.

Обычно студенты подшучивали друг над другом проще. Подкладывали распечатку с нелепой цитатой, меняли подпись под фотографией, присылали сообщение от имени кафедры. Чтобы вписать что-то в рукопись из университетского спецхрана, требовалось либо совсем не ценить собственное будущее, либо уметь проходить сквозь запертую дверь.

Он не касался поля. Сначала посмотрел на лист сбоку. Краска не блестела. Волокна не были примяты пером. Запах у рукописи оставался прежним: сухая пыль, кожа переплёта и едва заметная горечь, похожая на лекарственные травы.

Артём снял очки, протёр их краем футболки и снова надел. Семь знаков не исчезли.

Он взял телефон. Камера показала страницу, основную строку, тёмную кайму старого пятна — и чистое поле.

Артём задержал дыхание, навёл резкость ещё раз. На экране справа от текста ничего не было. За экраном, на самой странице, знаки стояли так отчётливо, что он видел трещинку в третьем крючке.

Первой мыслью было позвать дежурную. Второй — не позориться.

Он положил рядом лист учёта, записал время и номер единицы хранения. Так его учили на первом курсе: прежде чем строить объяснение, зафиксируй наблюдение. Потом проверил предыдущее описание рукописи в каталоге. Поля без помет. Сверился с цифровой копией, сделанной три года назад. Чисто.

Знаки были похожи на позднелаорское письмо, но именно похожи. Артём знал этот язык по таблицам и нескольким десяткам надписей. В нём знак менялся в зависимости от соседнего слова: отдельный крючок мог означать воду, долг или право войти, а иногда всего лишь связывал две части предложения. Семь знаков без контекста были почти издевательством.

Он переписал их карандашом. На бумаге получились неуклюжие сучья.

Первый знак мог быть глаголом «считать», если выступ сверху не случайная царапина. Второй — «живой», «свидетель» или «стоящий перед». Третий напоминал старую форму отри-

пания. Дальше шёл символ, которого в учебной таблице не было, но Артём видел его на фотографии водосброса из раскопок. Тогда археологи решили, что это метка каменщика.

Он открыл ноутбук, нашёл снимок и увеличил. Метка повторялась трижды вдоль каменного жёлоба. Под ней более поздней рукой было выцарапано слово, которое переводили как «закрыто».

— Не закрыто, — пробормотал Артём. — Закрыть.

Если неизвестный знак был не предметом, а приказом, вся приписка начинала складываться.

«Считай живых. Не...»

Он переставил лист, прижал ладонями виски. Зорин говорил, что молодые исследователи слишком любят эффектные чтения. Видят призыв к восстанию в перечне зерна, тайный культ — в счёте за масло. Хороший историк прежде всего умеет разочаровываться в красивой догадке.

Артём попробовал скучные варианты.

«Учесть свидетелей». «Перечень присутствующих». «Живой долг». Ни один не объяснял повелительный знак с водосброса. Он сверил изгибы, нашёл ещё два снимка, выписал соседние слова. В одном случае рядом была фигура человека с поднятой рукой, в другом — ряд прямоугольников, которые археолог назвал декоративной рамкой. Если рамка была планом заслонок, надпись могла означать последовательность действий.

В зале щёлкнули часы.

Без пяти двенадцать.

Дежурная должна была прийти и забрать рукопись. Артём посмотрел на дверь, потом на поля. Последние три знака он знал: «имя», «низ» и частица, меняющая принадлежность. Буквально получалось: «имя у нижних» или «нижние имеют имя».

Он прочёл всю строку шёпотом, подставляя самый осторожный вариант:

— Считай живых. Не закрывай. У нижних есть имена.

Бурая краска на полях потемнела.

Артём отшатнулся. Ножка стула ударила в пол, звук прокатился под сводом. Несколько знаков дрогнули, будто их писали на поверхности воды. От края страницы к его пальцам потянулся холод.

Он вскочил, но ладонь не оторвалась от стола.

Нет — оторвалась. Стол ни при чём. Его держал воздух между рукой и рукописью: плотный, ледяной, прилипший к коже. Страница выгнулась, хотя в зале не было сквозняка. Основная строка распалась на отдельные чернильные нити. Они поползли к полям, сплетаясь вокруг бурых знаков.

Артём рванулся назад.

Лампа погасла.

Зелёный абажур ещё секунду светился изнутри, а затем тьма сомкнулась со всех сторон. Пропали часы, батареи, прямоугольники окон. Остался запах лекарственной горечи — теперь такой сильный, что защипало в горле.

Под ногами не было пола.

Артём падал недолго, но успел подумать обо всём самом глупом: что телефон разобьётся, что дежурная обвинит его в краже рукописи, что курсовая так и останется файлом с названием «новояверсияточно_2».

Он ударился плечом о камень и перекатился на спину.

Воздух вышибло из груди. Перед глазами вспыхнули белые точки. Где-то рядом с грохотом упал тяжёлый предмет, посыпались мелкие камешки. Артём втянул воздух — пахло пылью, маслом и той же горькой травой.

Он лежал в узкой полосе света. Над ним уходил вверх потолок, сложенный из плит, каждая размером с комнату. Между ними тянулись светлые жилы. Они не были лампами и не походили на огонь: камень светился сам, ровно и холодно.

Артём сел. Правое плечо отозвалось болью, но рука двигалась. Телефон уцелел, хотя экран покрылся сеткой трещин. Связи не было. Время застыло на 23:56.

Рядом лежал переплёт.

Тот самый, тёмный, с медной застёжкой и номерной бумажкой университетского спецхрана. Только вместо знакомой рукописи из него торчал обломанный край каменной пластинки.

Артём не сразу решился открыть книгу. Под обложкой оказалась не бумага, а тонкие серые пластины, стянутые кожаными ремешками. На первой были вырезаны позднеаорские знаки. Те же формы, которые он минуту назад видел чернилами.

Считай живых. Не закрывай. У нижних есть имена.

Он провёл пальцем рядом с бороздкой, не касаясь её. Камень был тёплым.

— Галлюцинация, — сказал Артём.

Голос прозвучал убедительно ровно до тех пор, пока из темноты не ответили.

Слова он не понял. Три коротких выкрика, шелест одежды, звон металла. Артём захлопнул переплёт и поднялся. Мир качнулся. Он ухватился за ближайшую опору — высокий каменный ящик, заставленный свитками.

Светящиеся жилы медленно разгорались, открывая зал.

Он был больше университетского читального зала раз в десять. Стеллажи стояли уступами и поднимались вдоль стен на головокружительную высоту. Вместо лестниц между ними висели узкие площадки на цепях. По полу шли медные полосы, сходящиеся у круглой плиты в центре. Часть зала обвалилась: камни придавили шкафы, свитки валялись в пыли, а сквозь пролом виднелась чёрная пустота.

На дальнем конце двигались огни.

Люди.

Пятеро, может быть шестеро, спускались по проходу, держа перед собой чаши с синим пламенем. На них были короткие плащи поверх кожаных курток. У первых двоих в руках блестели изогнутые клинки.

Артём попятился. За спиной оказался завал. Прятаться было негде.

Он поднял обе руки и сразу пожалел: плечо пронзило болью.

— Я не вооружён, — сказал он по-русски.

Люди остановились. Синее пламя осветило лица. Впереди стояла женщина лет тридцати, тёмноволосая, с узким шрамом у подбородка. Она не выглядела удивлённой — только очень собранной. Клинок в её руке был направлен Артёму в живот.

Женщина произнесла вопрос.

На этот раз он различил одно слово. «Войти» — или «ворота». Произношение отличалось от реконструкции кафедры: согласные были мягче, окончания почти проглатывались. Но язык был тот.

Позднеаорский.

Артём открыл рот и понял, что понятия не имеет, как сказать «я студент из двадцать первого века». Даже если бы знал, начинать знакомство с такого заявления было бы неразумно.

— Артём, — сказал он, коснувшись груди. — Моё имя Артём.

Один из мужчин за спиной женщины быстро произнёс что-то. В его голосе прозвучало слово «ровенский». Артём знал имя Ровена. Каждый студент на их кафедре знал его: объединитель северных земель, основатель имперской армии, победитель при Лаоре. На портрете из учебника он был седым стариком с лавровой ветвью.

Женщина сделала шаг вперёд и указала клинком на переплёт.

— Это книга, — осторожно произнёс Артём на её языке.

Слово вышло чужим, слишком твёрдым. Люди переглянулись.

— Чья? — спросила женщина.

Артём обрадовался понятию вопросу так, будто сдал экзамен.

— Я не знаю.

Она коротко бросила приказ. Двое обошли его с боков. Артём не сопротивлялся, когда у него забрали телефон, карандаш, бумажник и связку ключей. Мужчина с плоским носом покрутил телефон, нажал боковую кнопку и едва не выронил, когда треснувший экран засветился.

Клинки приблизились.

— Не оружие, — быстро сказал Артём. — Свет. Письмо. Счёт.

Он искал знакомые формы, цеплял слова из грамматических таблиц и ставил их в порядок, который казался правильным две тысячи лет спустя. Получалось, вероятно, так же, как если бы иностранец заговорил по-русски фразами из берестяных грамот.

Женщина взяла телефон у мужчины. На экране оставалась фотография университетской рукописи. Чистое поле рядом со строкой выглядело теперь самым страшным доказательством: сноски на снимке не было.

— Это Лаор? — спросил Артём.

Он произнёс название так, как учили: с ударением на второй слог. Люди снова переглянулись, а женщина поправила его, коротко и резко:

— Лаор.

Ударение падало на «а».

Настоящий звук названия ударил сильнее падения. Не копия, не музейная реконструкция, не сон, собранный из конспектов. Никто не сочиняет во сне фонетическую поправку, которая объясняет ритм древней стихотворной надписи.

Артём повторил правильно:

— Лаор.

— Кто открыл тебе нижний зал?

Вопрос дошёл до него не целиком. «Кто», «открыть», «низ» — остальное растворилось в непривычном произношении.

— Никто. Я читал книгу. Потом оказался здесь.

Женщина нахмурилась.

Плосконосый мужчина поднял университетский лист учёта. На нём Артём переписал семь знаков. Мужчина перевернул бумагу, поднёс к синему пламени, понюхал и сказал несколько слов. Артём различил «тонкая кожа» и понял, что тот никогда не видел бумаги.

Женщина выхватила лист. Её взгляд остановился на записи.

— Где ты это увидел?

Теперь она говорила медленнее.

Артём указал на каменную книгу.

— Здесь. И в другой книге. Далеко.

— Покажи.

Он опустился на колени. Движение отозвалось болью в боку. Люди окружили его так плотно, что синее пламя отражалось от медных полос на полу.

Артём раскрыл переплёт.

Первая пластина была пустой.

Он перевернул её. Вторая тоже. Ни бурых знаков, ни вырезанных бороздок — только гладкий серый камень с мелкими порами.

— Они были здесь.

Женщина произнесла короткую фразу, и люди напряглись. Слово «лжец» Артём узнал без труда. Оно почти не изменилось в позднейших текстах.

— Я не лгу.

— Ты появился в закрытом хранилище. У тебя письмо Ровена на светящейся вещи. Ты знаешь имя города, но говоришь как мёртвый учитель. И показываешь пустой камень.

Она перечисляла улики спокойно. От этого становилось хуже. Артём попытался возразить насчёт Ровена, но она указала остриём на экран. Только теперь он увидел строку под фотографией: имя файла, набранное латиницей, начиналось с ROVEN.

Объяснить ей файловую систему он не мог. Объяснить собственную жизнь — тем более.

— Отведите его наверх, — сказала женщина.

Мужчины схватили Артёма за руки. Правое плечо вспыхнуло болью, он невольно дёрнулся, получил локтем под рёбра и согнулся.

В этот миг под полом что-то загудело.

Медные полосы засветились одна за другой. Сияние бежало от круглой плиты к стеллажам, как вода по каналам. Цепные площадки дрогнули. Сверху посыпалась пыль.

Кто-то закричал. Женщина обернулась к центру зала.

По круглой плите проступали знаки.

Не семь — десятки. Они вспыхивали рядами, гасли и появлялись снова. Артём видел знакомые части: «хранить», «вода», «огонь», «люди», «выход». Но целое предложение ускользало. Это не было надписью в привычном смысле. Плита словно задавала вопрос, перебирая слова.

— Не трогать! — приказала женщина.

Поздно. Плосконосый мужчина отступил и наступил на медную полосу. В стене тяжело лязгнуло. Из пролома донёсся нарастающий рёв.

Воздух стал влажным.

Артём посмотрел на знаки и вспомнил водосброс. Не «закрывать». «Закрывать». Приказ на камне был частью последовательности действий.

«Считай живых. Не закрывай».

— Уберите ногу! — крикнул он.

Мужчина не понял. Артём вырвался одной рукой, шагнул к нему и толкнул в грудь. Клинок просвистел рядом с ухом. Они оба упали за пределы медной полосы.

Свет на ней погас. Рёв в проломе ослаб, но не исчез.

Один из стеллажей вздрогнул. С верхних полок посыпались каменные пластины. Женщина оттолкнула Артёма к стене и крикнула своим людям. Те подняли чаши. Синие огни осветили тонкую струю воды, уже бегущую по полу.

На круглой плите горел новый ряд знаков.

Артём прочёл отдельные слова вслух:

— Люди... число... зал... выход.

Женщина резко повернулась к нему.

— Что говорит хранитель?

— Он считает людей.

— Здесь нет хранителя.

— Плита. Она спрашивает, сколько людей в зале.

Артём не был уверен. Самым честным ответом было бы «возможно». Но вода уже добралась до его кроссовок. Из пролома пахло подземной рекой.

Он пересчитал: женщина, четверо мужчин, ещё одна фигура с чашей у прохода и он сам.

— Семь.

На языке Лаора число оказалось знакомым. Артём произнёс его и показал пальцами.

Плита не отозвалась.

— Имена, — сказал он, вспомнив сноску. — Ей нужны имена.

— Машине не нужны имена.

— Тогда почему написано «имя»?

Женщина посмотрела на бегущие знаки. Она читала их иначе или не читала вовсе; Артём не мог понять. Вода покрыла медную полосу и зашипела. Свет сделался ярче.

— Дара Сей, — произнесла женщина, ударив ладонью себя в грудь.

Остальные один за другим назвались. Артём не успевал запоминать: Керн, Олма, Тев, Сайр, Мета. Последнее имя принадлежало низкой женщине с чашей.

— Артём Веденин.

Плита ответила гулом. Один ряд знаков погас. На его месте появился другой.

Артём разобрал «семь живых» и «открыть верх». Потом — знак, который в учебниках переводили как «мятежник».

Только здесь он стоял между словами «нижний» и «житель» и был повёрнут другой стороной. Артём вдруг увидел не существительное, а направление: поднять, вывести снизу наверх.

Не мятежник. Эвакуируемый.

Мысль вспыхнула и исчезла, потому что каменный пол дрогнул. У дальней стены с грохотом поползла вверх плита. За ней открылась лестница, озарённая тёплым светом. Одновременно пролом закрылся решёткой. Рёв воды оборвался.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом Дара Сей приставила клинок к горлу Артёма.

— Ты знал слова нижнего хранителя.

— Некоторые.

— Этого языка не знает никто, кроме людей архива.

Артём посмотрел на пустую каменную книгу, на треснувший телефон в её руке и на строку, которая ещё светила в центре плиты.

Семь живых. Открыть верх.

В его учебнике через три века таких, как эти шестеро, назовут полками предателей. Двенадцать тысяч человек станут армией, одна форма слова — доказательством измены, а приказ вывести жителей снизу наверх превратится в бегство с городской стены.

Он всегда думал, что ошибка появилась при переписывании. Небрежный монах, повреждённая строка, поздний переводчик. Удобная случайность, которую потом использовали победители.

Но кто-то должен был первым повернуть знак.

И кто-то оставил сноску там, где её не могла увидеть камера.

— Я знаю язык плохо, — сказал Артём. — Но вашу историю я читал.

Лезвие сильнее прижалось к коже.

— Нашу историю ещё не написали.

— Написали, — ответил он. — Только не вы.

Глава 2. Человек без языка

Лестница вывела их не наверх, а в тесный каменный мешок.

Дара втокнула Артёма внутрь, двое обходчиков вошли следом. Когда последний человек сошёл со ступени, плита за спиной опустилась без щели. Ни ручки, ни замка. Только семь тусклых точек там, где машина недавно приняла их имена.

— Открыть сумеешь? — спросила Дара.

— Нет.

— А закрыть сумел.

— Я назвал число. Она сама закрыла воду.

Дара передала его вещи Мете и приказала остальным ждать. Потом сняла со стены железное кольцо и трижды дёрнула. Где-то далеко звякнул колокол.

Артём привалился к стене. Плечо наливалось тяжестью, мокрые кроссовки хлюпали. Он всё ещё ожидал, что откроется дверь читального зала и дежурная спросит, зачем он сидит на полу. Вместо этого сверху посыпалась известковая крошка, а Керн — тот самый мужчина с плоским носом — выжал воду из края плаща.

— Ты толкнул меня, — сказал он.

— Ты стоял на полосе.

— Ты толкнул меня.

В третий раз это прозвучало почти как вопрос. Артём искал подходящее слово.

— Извини.

Керн задумался, затем хлопнул его по больному плечу. Артём согнулся.

— Теперь извинил, — сообщил обходчик.

Дара даже не обернулась:

— Ещё раз тронешь пленника без приказа — будешь объясняться Лейне.

Керн отступил так быстро, словно имя лекаря действовало сильнее клинка.

В стене открылось маленькое окошко. За решёткой показались два глаза. Дара назвалась, перечислила людей и добавила несколько слов, которых Артём не понял. Окошко захлопнулось. Заскрежетали засовы.

За дверью ждал настоящий город.

Сначала Артём увидел коридор: низкие своды, коптящие лампы, трубы толщиной с человеческую руку. Потом проход повернул, и пространство распахнулось.

Дома Лаора стояли не на земле, а внутри огромной каменной чаши. Верхние улицы лепились к её краям, нижние уходили уступами в глубину. Между ними висели мосты, лестницы и площадки. Сквозь город поднимались обломки древних башен — гладкие, чёрные, слишком большие для окружавших их построек. На некоторых росли деревья. В прорезях других горели окна.

Над чашей светлело небо. Наступало утро.

Артём знал рисунок Лаора из учебника: правильный круг стен, дворец на северном холме, двенадцать ворот. Художник дорисовал город по описанию имперского летописца. Никакой чаши, никаких нижних ярусов, никаких мостов там не было.

Зато на дальнем краю Артём увидел башню с раздвоенной вершиной. Её находили на всех поздних изображениях. Значит, он смотрел не на похожее место. Перед ним был Лаор.

— Не отставай, — сказала Дара.

Его повели вдоль узкой галереи. Город просыпался. Женщина выставляла на порог корзины с круглыми лепёшками. Двое рабочих катили тележку с глиняными трубками. Внизу, на площади, люди тянули канат, поднимая мост к следующему ярусу. Никто не носил костюмов,

похожих на книжные иллюстрации. Одежда была залатана, оружие — разным, древний камень соседствовал с деревянными подпорками.

Артём ловил отдельные слова. Вода. Мука. Смена. Восток. Он слышал живую речь и почти физически чувствовал, сколько ошибок лежит в его конспектах.

У ворот небольшого здания их встретили стражники. Один посмотрел на джинсы Артёма и рассмеялся. Второй заметил телефон у Меты и перестал улыбаться.

Внутри Артёма посадили в комнату без окон. На столе стояли кувшин и деревянная кружка. Он выпил трижды, прежде чем понял, насколько хотел пить.

Дара осталась напротив. Мета разложила его вещи: ключи, бумажник, телефон, карандаш, лист учёта. Каменную книгу положили отдельно.

— Имя.

— Артём Веденин.

— Город.

Он назвал Москву. Дара повторила, смягчив согласные.

— Где он?

— Очень далеко.

— За севером? За солёной степью?

— Дальше.

— Все лазутчики живут очень далеко.

Артём опустил взгляд. На столе лежала пластиковая карта с его фотографией. Дара постучала по ней ногтем.

— Это ты. Здесь твоё имя?

— Да.

— Прочти.

Он прочёл по-русски. Дара потребовала повторить. Потом указала на слово «университет».

— Дом учёбы.

— Ты учитель?

— Ученик. Изучаю прошлое.

Последнее слово она не поняла. Артём попробовал «старые годы», затем «время дедов». Дара поморщилась.

— Ты говоришь нашими словами, но строишь из них кривой забор.

— Я учил язык по книгам.

— По каким книгам?

Он посмотрел на каменный переплёт.

— По книгам, написанным позже.

Дара медленно убрала руку от стола.

— Позже чего?

Ответить честно значило подтвердить её худшие подозрения или заработать славу безумца. Солгать убедительно он не умел. Артём выбрал узкую полосу между двумя провалами.

— Позже тех текстов, которые я видел внизу. Мои учителя знали язык хуже вас. Я тоже знаю его плохо.

Дара указала на плиту.

— Ты прочёл хранителя.

— Отдельные слова. Я ошибся бы, если бы не увидел воду и полосы на полу.

— Ошибся бы — мы утонули.

— Да.

Прямой ответ её удивил.

Дверь открылась. Вошёл сухой пожилой мужчина в серой накидке, прижимая к груди связку дощечек. Волосы у него были собраны медной скобой. Он не поздоровался с Дарой, первым делом увидел каменную книгу и забыл обо всём остальном.

— Где нашли?

— Она была у него, — ответила Дара.

Мужчина надел на нос рамку с двумя отполированными кристаллами и склонился над пластинами.

— Пустые. Древний камень, новый ремень. Застёжка не наша.

Он повернулся к Артёму.

— Кто переплёл?

— Не знаю. До перехода внутри была бумага.

Слово «бумага» пришлось объяснять: тонкий лист для письма, сделанный не из кожи и не из дерева. Мужчина схватил лист учёта, поднёс к свету, помаял край.

— Из тряпки, — решил он. — Хорошая работа. Марас.

Он ткнул себя пальцем в грудь. Артём назвался.

— Дара говорит, ты читаешь нижнее письмо.

— Немного.

— Все чужаки читают немного, пока не покажешь им счёт за навоз.

Марас достал из связки деревянную табличку и положил перед Артёмом. На ней было шесть строк, процарапанных торопливой рукой.

— Читай.

Артём узнал два знака и не узнал остальные. Первая строка начиналась со слова «взято» или «получено». Дальше стояло число. Во второй повторялся знак, который в словарях означал копьё.

— Получено три копия, — предположил он.

Марас фыркнул.

— Три корзины лука. Вот копьё, а это лук. У овоща хвост снизу.

Дара скрестила руки.

— Великий чтец хранителей.

Артём почувствовал, как горят уши. Таблица из учебника действительно показывала один знак для обоих слов. О хвосте не упоминалось.

Он заставил себя не оправдываться и прочёл дальше. «Взято три корзины лука». Следующая строка: «отдано две...» Знак напоминал дом, перечёркнутый волной.

— Не знаю.

— Тогда ты нам не нужен, — сказала Дара.

Марас поднял ладонь.

— Он сказал «не знаю». Ровенские толмачи так не умеют.

Снаружи раздался шум. Кто-то требовал впустить его, стражник отвечал, что идёт допрос. Дверь распахнулась, и в комнату вошла широкоплечая женщина с кожаной сумкой. Керн шагнул за ней с виноватым видом.

— Кто из вас рухнул плечом? — спросила она.

Дара указала на Артёма.

Женщина велела ему снять куртку. Он подчинился не сразу: под взглядами людей футболка казалась последней связью с нормальной жизнью. Но боль решила спор. Лекарь ощупала плечо, заставила поднять руку и объявила, что кость цела.

— Ушиб. И бок. Два дня не таскать тяжёлое.

— Если проживёт два дня, — заметила Дара.

— Умрёт — всё равно не таскать, — ответила лекарь. — Я Лейна.

Она приложила к плечу ткань с резко пахнувшей мазью. Тот самый горький запах ударил Артёму в нос.

— Эта трава была в книге, — сказал он.

Марас насторожился.

— Какая трава?

Лейна показала ему смятые листья из сумки.

— Жарница. Ею обрабатывают переплёты от жука, — сказал Марас. — Старые архивы пахнут ею.

Значит, запах при переходе принадлежал не университетской рукописи. Он тянулся отсюда.

Марас вернул табличку Артёму.

— Читай последнюю строку.

Там повторялся знак дома с волной, затем шли «нижний», «день» и числительное. Артём сравнил строки. Если речь о хозяйстве, неизвестное слово должно быть товаром или мерой. Но «отдано две» и «дом-волна» не сочетались с нижним днём.

Он повернул табличку боком.

Царапины ловили свет иначе. Хвост у «лука» стал виден. А у неизвестного знака обнаружилась дополнительная риска, почти скрытая под пятном жира.

Это был не дом. Это была ёмкость с крышкой.

Артём вспомнил фотографию водосброса. Знак приказа, принятый археологами за метку каменщика, стоял рядом с похожими ёмкостями. Там считали не заслонки. Там считали запас для рабочих.

— Вторая строка не «отдано», — сказал он. — Это одно слово со знаком сверху. Отложено. Две ёмкости... для нижней смены. На один день.

Марас перестал улыбаться.

— Что в ёмкостях?

Артём посмотрел на первую строку, на масляное пятно, на короткую черту возле числа.

— Не знаю точно. Что-то жидкое. Масло или вода.

Лейна взяла табличку.

— Это бирка из южного склада. Там держат ламповое масло.

Дара спросила:

— Почему писарь не написал «масло»?

— Потому что для него и так ясно, что на масляном складе в ёмкостях, — ответил Артём.

— Мы тоже не пишем на кружке «для воды», если она стоит у кувшина.

Марас постучал пальцем по последней строке.

— А здесь?

— «Нижней смене на день». Возможно, «выдать нижней смене до дневного колокола». Мне не хватает слов.

— Не хватает языка, — сказала Дара.

— Это не одно и то же.

Она прищурилась.

Артём заговорил быстрее, пока его не остановили:

— Если я не знаю слово, я могу посмотреть, где нашли табличку, что на ней пролили, кому нужен запас. Слова без вещей обманывают. У меня было много слов и мало вещей. Поэтому я назвал лук копьями.

Марас провёл ногтем по риску.

— Писаря повесили бы за такую руку. Но ты увидел добавку к знаку.

— Она меняет действие.

— Именно.

Дара забрала табличку.

— Это доказывает только, что он умеет читать складские бирки.

— Нет, — ответил Марас. — Это доказывает, что он умеет ошибаться с пользой.

Из коридора донёсся колокол. Один удар, пауза, ещё два.

Все в комнате замолчали.

Дара подошла к двери. Стражник сказал что-то быстро. Артём уловил имя Ровена и слово «посланник».

— Когда? — спросила Дара.

— У восточных ворот. До полудня будет у дворца.

Она оглянулась на Артёма. Подозрение в её лице сменилось решением.

— Связать ему руки. Марас, ты идёшь с нами.

— Куда?

— На совет. Пусть человек с языком мёртвых послушает человека Ровена.

Артём поднялся. Лейна закрепила повязку на его плече и тихо сказала:

— Не угадывай там, где не знаешь.

— Постараюсь.

— Плохое обещание.

Она затянула узел сильнее, чем требовалось.

Керн связал Артёму запястья широким ремнём, но оставил между ними достаточно места. Телефон и бумажник убрали в сумку Меты. Каменную книгу Марас понёс сам.

У выхода Дара остановилась.

— Пока совет не решит иначе, ты не гость и не житель. Ты человек без города.

Артём вспомнил семь точек у закрытой лестницы. Машине оказалось мало числа — ей потребовались имена. Здесь имени было мало без места, которому оно принадлежало.

— У меня есть город.

— Тогда назови дорогу к нему.

Он не ответил.

Дара открыла дверь. Снаружи Лаор уже заливал утренний свет. По мостам шли люди, поднимались грузовые площадки, в древних башнях гудели трубы. Где-то у восточных ворот ждал посланник человека, которого история Артёма называла победителем.

Артём шагнул на улицу связанным, мокрым и бесполезным почти во всём. Но в сумке Мараса лежала хозяйственная табличка, где один маленький штрих превращал выдачу в запас.

В его времени такой же маленький поворот знака превратил выведенных из нижнего города людей в мятежную армию.

Теперь он знал: ошибки не жили только в книгах. Они начинались на складах, у ворот и в комнатах допроса — там, где кто-то торопился решить, что написано и кем был человек перед ним.

Глава 3. Город на костях машин

До дворца вели три дороги, и Дара выбрала ту, на которой было меньше людей и больше запёртых дверей.

Артём понял это не сразу. Первые два поворота казались обычным подъёмом по городу: лестница, тесный проход между домами, мост над следующим ярусом. Потом он заметил, что прохожих здесь почти нет. Лавки стояли с опущенными ставнями, на дверях висели медные круги, перечёркнутые белой краской. За стенами гудело и щёлкало что-то огромное.

— Это что? — спросил он.

Дара не обернулась.

— Дорога.

— Я слышу.

— Значит, у тебя есть уши. Совет обрадуется.

Марас шёл рядом, прижимая каменную книгу к боку. В отличие от обходчиков, он не торопился. На каждом повороте архивист касался стены или перил, словно здоровался с городом.

— Под нами грузовые чаши, — сказал он. — Их поднимает западное колесо. Пока гудит ровно, можно идти.

— А если неровно?

— Тогда бежать.

Артём посмотрел вниз. Между досками моста мелькнула цепь, толстая, как его нога. Она уходила в чёрную шахту. Снизу потянуло влажным железом.

— Вы построили это?

Марас усмехнулся:

— Мы меняем доски.

Мост дрогнул. Артём машинально схватился связанными руками за канатные перила. Дара остановилась у круглой каменной тумбы. На ней были вырезаны четыре строки древнего письма, а поверх них — свежие зарубки и пятна ладоней.

Керн положил руку на верхнюю строку и произнёс короткую фразу. Где-то внизу ударил колокол. Цепь замедлилась, мост перестал дрожать.

Артём разобрал два слова: «держи» и «переход». Остальное показалось ему бессмысленным перечислением — день, хлеб, пустой.

— Почему хлеб? — спросил он.

Керн не понял вопроса. Марас, напротив, сразу посмотрел на тумбу.

— Что именно ты услышал?

Артём повторил фразу так, как запомнил. Керн засмеялся.

— Не «хлеб», а «целый», — сказал он. — Целый переход.

— В старом языке корни разные.

— В новом тоже, если не учить его на могильных плитах.

Дара велела идти дальше. Марас задержался на полшага.

— Ты прав, — тихо сказал он. — Там сказано «хлеб».

— Тогда почему сработало?

— Потому что Керн каждый день говорит машине одно и то же и каждый день приносит ей то, чего не слышно в словах.

Артём взглянул на обходчика. Керн уже шагал впереди, не замечая, что стал частью загадки.

— Что он приносит?

— Показывает рукой на мост. Ждёт, пока на нём никого не останется. Нажимает третью выемку, а не первую. И говорит с тем ударением, какое слышал от старого зрителя. Для Керн это одна команда. Для камня — может быть, пять разных условий.

— Значит, слова не важны.

— Важны. Скажи вместо хлеба «кровь» — и увидишь, насколько. Только не при мне.

Они сошли с моста на широкую площадку. Здесь город снова наполнился людьми. Носильщики катили бочки, дети собирали рассыпавшиеся угольки, женщина у стены продавала горячую похлёбку. Над головами медленно ползла каменная платформа с мешками. Она двигалась без канатов, вдоль чёрной колонны, испещрённой светлыми прожилками.

Артём задрал голову. Платформа остановилась у верхней галереи. Двое грузчиков столкнули с неё тележку, третий крикнул вниз. Женщина у основания колонны повернула бронзовый рычаг. Платформа пошла обратно.

На университетской реконструкции здесь должна была стоять статуя первого императора.

— Эту башню в моих книгах называли Столпом Присяги, — сказал Артём.

— Чьей присяги? — спросила Мета.

— Воинов Ровена. Будто они поклялись здесь не оставлять оружия, пока город не покорится.

Мета показала на платформу:

— На мешках клялись?

— Башню могли использовать иначе позднее.

— Позднее, чем сейчас?

Он запнулся. Для неё вопрос был простой насмешкой. Для него — ловушкой, в которую попадал любой историк, слишком уверенный в подписи под рисунком.

Марас подошёл к колонне и постучал костяшкой по гладкому камню.

— У нас её зовут Старой Спиной. Она таскала грузы ещё при деде моего деда. Иногда встаёт. Иногда бросает чашу на пол. Присяги не принимала ни разу.

— Откуда вы знаете, для чего её создали?

— Не знаем.

— Но используете как подъёмник.

— А ты используешь табурет, чтобы достать с верхней полки. Это не доказывает, что плотник сделал лестницу.

Женщина у рычага услышала его и сердито махнула рукой.

— Не каркай, Марас! Спина сегодня добрая.

— Видишь? — сказал архивист. — У нас есть привычка, опыт и слишком мало запасных ног. Знание было бы лучше.

Дара потребовала освободить дорогу. Посланник Ровена ещё не вошёл в верхний город, но площадь уже менялась. Стражники закрывали боковые проходы. Торговцы убрали корзины. Люди говорили тише, хотя никто не отдавал такого приказа.

От имени полководца город словно заранее становился теснее.

Они свернули под арку, сложенную из обычного серого кирпича. За ней начинался внутренний ход древней стены. Воздух там был сухим и тёплым. По гладкому полу тянулись три цветные полосы: белая, синяя и почти стёртая жёлтая.

Марас наступил на синюю.

— Иди за мной. Жёлтая иногда обжигает подошвы.

Керн, уже шагавший по жёлтой, перескочил в сторону.

— Иногда? — спросил Артём.

— Последний раз — девять лет назад. Но человек потом долго не носил сапог.

— Почему её не огородили?

— Огородили. Доски унесли на восточную стену.

Вот так и выглядел Лаор без учебной иллюстрации: не собрание чудес и не город дикарей на непонятных руинах, а место, где люди каждый день договаривались с наследством, которого не выбирали. Машина могла кормить квартал, а могла раздробить грузовую чашу. Отметка на полу спасала ноги, пока кому-то не требовалась доска для стены. Знание здесь измерялось не полнотой, а числом прожитых смен.

В конце хода их остановила дверь. Она была распахнута, однако Дара подняла кулак, и отряд замер.

За порогом лежал круглый зал. В его центре из пола выступал низкий каменный стол. На столе стояли чашки, деревянные фигурки и глиняный кувшин. У дальней стены двое стариков играли в кости. Один увидел вооружённых людей и торопливо накрыл ставку ладонью.

— Проход чист? — спросила Дара.

Старик у стены пожал плечами:

— Был чист на рассвете.

— А сейчас?

— Сейчас вы пришли.

Марас обошёл стол, убрал чашки и показал Артёму вырезанную по краю надпись.

— Читай.

Дара тяжело вздохнула:

— Мы идём на совет.

— Поэтому он должен понять до совета, — ответил Марас. — Иначе вы приведёте туда говорящую опасность.

Артём наклонился. Запястья затекли под ремнём. Он прочёл первые два знака: «открыть» и «двор». Дальше шло слово, которое могло означать род, дом или собрание. Последняя строка перечисляла четыре стороны света.

— Открыть двор для всех домов? — предположил он.

Один из игроков прыснул.

— Хорошо бы. Моя жена выгнала меня во двор, пусть теперь город откроет обратно.

— Не торопись, — сказал Марас. — Где стоит надпись?

— На столе.

— Это не стол.

Артём осмотрел круглый камень. Чашки оставили на нём мокрые следы, в зарубках застряли крошки. Однако основание уходило прямо в пол. У четырёх сторон имелись углубления, отполированные пальцами.

— Управление дверями?

— Какими?

Он посмотрел на четыре выхода из зала. Один остался за спиной, второй был заложен кирпичом, третий закрывала деревянная створка, четвёртый выглядел как глухая стена.

— Всеми четырьмя.

— Теперь читай снова.

Слово «двор» распалось. Вертикальная черта, которую Артём принял за границу знака, оказалась частью соседнего изображения. Не двор, а «середина». Не дома, а «пришедшие» или «принесённые».

— Открыть середину, когда пришли с четырёх сторон.

— Ближе.

— Нужно, чтобы у каждого выхода стоял человек?

— Мы так думали, — сказал Марас. — Положили ладони в четыре выемки. Открылась стена, раздавила двоих.

Артём отпрянул от камня.

Игроки больше не улыбались.

— Когда это было?

— До моего рождения. Их имена выбиты с той стороны кирпичной кладки. Поэтому сейчас мы ходим через один проход.

— И вы оставили машину доступной?

— Мы оставили память о цене. Выемки залили свинцом, потом свинец украли. Надпись переписали в архив. Предупреждение висело на двери, пока дверь не сожгли при прошлом штурме. Город старше любого запрета, Артём. Если хочешь, чтобы никто не касался опасного камня, поставь возле него человека. Потом корми этого человека сто лет.

Дара подошла ближе.

— Говори проще, Марас.

Архивист ткнул пальцем в надпись.

— Камень не слушает одно слово. Он ждёт, кто говорит, где стоит и что уже сделано. Иногда ещё — что лежит рядом. Назови это, как хочешь.

Артём вспомнил нижний зал: число людей, имена, полосы на полу, поток воды. Фраза сработала не потому, что он произнёс тайное заклинание. Он описал происходящее так, как машина могла проверить.

— Контекст, — сказал он по-русски.

— Что?

— Всё вокруг слова. Если я скажу «ключ» у двери, вы подумаете о замке. Если у реки — о роднике. Одного звука мало.

Марас кивнул.

— У камня тоже есть глаза, только мы не всегда знаем, где они.

— Тогда древний язык не управляет машинами.

— Нож тоже не режет без руки. Но попробуй заменить его ложкой.

Сравнение было грубым и точным. Артём ещё раз посмотрел на надпись. Его знание грамматики давало форму, но не действие. Чтобы прочесть машину, надо было восстановить комнату, людей, предметы и обычай, для которого её создали. Именно обычай победители стирали легче всего. Каменная строка переживала пожар, но превращалась в загадку, если никто больше не знал, зачем четыре человека приходили к ней с разных сторон.

— Ровен это понимает? — спросил он.

Дара ответила раньше Мараса:

— Ровен понимает, что стену можно разбить.

— У него есть толмачи, — добавил архивист. — Они ищут короткие слова. «Открой». «Ударь». «Сожги». Полководцы любят короткие слова.

— Они работают?

— Иногда. После них обычно некому рассказать, почему.

Дара развязала ремень на запястьях Артёма. Он растёр онемевшие пальцы.

— Почему?

— Во дворце пленник должен склониться перед советом. Со связанными руками упадёшь носом и испачкаешь пол.

— Я не собираюсь кланяться.

— Тогда упадёшь быстрее.

Она обмотала ремень вокруг своей ладони, оставив второй конец на его запястье. Теперь он был не связан, но уйти не мог.

— Продолжили урок? — спросила она у Мараса.

— Нет. Урок продолжает нас.

Они вышли через деревянную дверь и поднялись на следующий ярус. Здесь дома стояли реже, зато стены древних построек выступали повсюду. Одна чёрная дуга держала на себе

целый ряд мастерских. В другой зияли отверстия, превращённые в голубятни. На гладком боку огромного цилиндра сушилось бельё.

Артём остановился у края площадки.

Отсюда Лаор был виден почти целиком. Каменная чаша уходила вниз ступенями. По ней ползли люди, тележки, грузовые платформы. В узких промежутках блестела вода. Над крышами тянулись верёвки, мосты и дым. Древние обломки торчали из живого города, будто кости исполина, на которых выросло другое тело.

На востоке, за внешней стеной, лежала равнина. По дороге двигалась тонкая тёмная нить. Посольство Ровена.

В учебной летописи прибытие посланника описывалось торжественно: «И увидели горожане знамя единства, и открыли ворота навстречу законной власти». Артём насчитал у восточных ворот три опущенные решётки. На стенах теснились лучники. Никакой встречи навстречу не было.

— Сколько у них людей? — спросил он.

— У посланника — двенадцать, — ответила Дара. — За холмом ждут ещё сорок.

— А вся армия?

— Не здесь.

— Пока.

Она потянула ремень, вынуждая его посмотреть на неё.

— Ты знаешь, когда она придёт?

Вопрос прозвучал тихо. Керн и Мета отошли вперёд, но Марас остался рядом.

Артём мог назвать дату. Восемнадцатый день месяца Высокого Света, если университетская таблица соответствий верна. До штурма — меньше двух недель. Но та же летопись рисовала город круглым и ставила подъёмник на место императорской статуи. Дата могла быть такой же подписью под чужим рисунком.

— Я знаю, что написали потом.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ. В моей книге войско подошло после отказа совета. Но там посланника впустили через открытые ворота, а город выглядел иначе. Я не могу сказать, какая часть верна.

— Назови день.

— Восемнадцатый день Высокого Света.

Марас быстро взглянул на небо.

— Через одиннадцать дней.

Дара не изменилась в лице, лишь ремень натянулся сильнее.

— Сколько воинов?

— Летопись пишет о двадцати тысячах.

Керн выругался. Значит, всё-таки слушал.

— Для этой равнины слишком много, — сказал Марас. — Двадцать тысяч выпьют ручьи за два дня.

— Возможно, число прибавили позднее. Чтобы победа казалась больше.

— Или ты прибавляешь сейчас, чтобы мы испугались, — сказала Дара.

— Возможно.

Она резко приблизилась.

— Не прячь ложь среди честных слов.

Артём выдержал её взгляд.

— Я не знаю, почему попал сюда. Не знаю, как вернуться. Не знаю, правдива ли книга, по которой я учился. Если начну говорить уверенно только потому, что вам нужна уверенность, я стану опаснее посланника.

Внизу ударил колокол. Со стороны восточных ворот ответил другой — низкий, долгий. Посольство вошло в первый двор.

Дара отпустила натяжение ремня.

— Одиннадцать дней, — сказала она. — Совет услышит именно так. Вместе с тем, что ты можешь лгать.

— И с тем, что летопись может лгать.

— Летописи на совете нет. Ты есть.

Они пошли дальше.

Дворец оказался не самым высоким зданием города. Артём ожидал башен, знамён, широких ступеней. Вместо них увидел длинный дом, зажатый между двумя древними плитами. Нижний этаж сложили из красного кирпича, верхний — из дерева. Крыша опиралась на чёрную балку, слишком ровную и длинную для человеческой работы.

Перед входом толпились просители. Рыбак держал сломанную сеть. Женщина прижимала к груди свёрток с документами. Трое мельников спорили из-за мешка серой муки. Стражники пропустили Дару, но Мараса остановили.

— С книгой нельзя, — сказал привратник.

— Это улика.

— Тогда в ящик.

У стены стоял окованный сундук. Марас отказался выпускать каменный переплёт из рук. Спор быстро привлёк начальника караула — седую женщину с двумя обрезанными пальцами. Она осмотрела Артёма, книгу и ремень.

— Посланник уже во втором дворе. Если из-за вашей улики совет будет ждать, я брошу в ящик вас обоих.

Марас положил книгу внутрь сам. Начальница заперла сундук и вручила ему деревянный жетон.

Артём задержался у крышки. В современности рукопись лежала под стеклом, её выдавали по подписи, рядом работала камера. Здесь единственную вещь, способную связать два времени, заперли среди ножей просителей и чужих сумок.

— Не потеряют, — сказал Марас.

— Откуда вы знаете?

— Прошлой весной потеряли печать сборщика податей. С тех пор здесь работает его жена.

Они вошли во дворец.

Первый коридор ничем не отличался от дома богатого купца: оштукатуренные стены, коврики у дверей, запах каши из кухни. Только под потолком тянулась полоса древних знаков. Их закрасили известью, но тёмные линии проступали сквозь неё.

Артём успел прочесть: «Пусть входящий оставит...» Дальше фраза исчезала под деревянной перегородкой.

— Оружие? — спросил он.

— Грязь, — ответил Марас. — Там было «оставит грязь воде». Раньше у входа мыли ноги.

— Откуда вы знаете?

— Под полом есть сток. И в старой описи сказано, сколько мыла выдавали привратнику.

Артём улыбнулся впервые с момента пробуждения в нижнем зале.

— Что?

— Ничего. Просто это хороший источник.

— Опись мыла?

— Лучший, чем победная песнь. Песню сочиняют, чтобы запомнили. Мыло выдают, потому что ноги грязные.

Марас одобрительно хмыкнул.

Дара посмотрела на них обоих так, словно сожалела, что нельзя запереть архивистов вместе с книгой.

Во втором дворе их встретил холод. Хотя солнце уже поднялось, каменные плиты не нагрелись. Посередине бил фонтан: вода поднималась без видимой трубы, распадалась на тонкие дуги и стекала в восемь желобов. У каждого желоба стоял человек с кувшином.

Над фонтаном была надпись.

Артём прочёл её молча. «Вода принадлежит тому, кто ждёт». Нет. Последний знак обозначал не ожидание, а очередь, установленный порядок. «Вода достаётся по очереди».

Обычная фраза. Такая могла пережить века, пока менялись правители и языки. Но если перекрыть семь желобов и оставить один для верхнего города, смысл изменится без единой правки на камне.

Возле восьмого желоба стоял мальчик с двумя ведрами. Стражник посланника Ровена оттолкнул его и наполнил флягу. Мальчик ничего не сказал. Он переставил ведра к следующему желобу.

Дара увидела это, однако не вмешалась. Её пальцы легли на рукоять ножа и остались там.

— Почему восемь? — спросил Артём.

— По числу старых дорог, — ответил Марас. — Когда-то сюда приходили из восьми частей города.

— Сейчас тоже?

— Сейчас три дороги завалены, две принадлежат дворцу, одна ведёт к казармам. Нижним остаются две.

— А надпись всё ещё говорит, что вода общая.

— Камень терпеливее людей.

У дальней двери стояли двое в одинаковых серых плащах. Между ними Артём увидел посланника. Тот был моложе, чем на поздней миниатюре: лет тридцать пять, гладко выбритый, с собранными на затылке волосами. На его одежде не было золота. Только белая застёжка в форме раскрытой ладони — знак Ровена, который в учебниках называли обещанием мира.

Посланник повернул голову.

Сначала он заметил Дару, потом необычную одежду Артёма. Его взгляд задержался на кроссовках и пластиковом ремешке часов. Удивления не последовало. Он сказал спутнику несколько слов и вошёл в зал.

— Он знает меня? — спросил Артём.

— Если знает, ты проживёшь недолго, — ответила Дара.

Мета подала ей небольшой нож.

— Зачем? — спросил Артём.

Дара перерезала ремень между их руками.

— Перед Эссой ты не мой пленник. Ты находка города.

— Большая честь.

— Не обольщайся. Находки иногда разбирают на части, чтобы понять.

Начальница караула открыла дверь в зал совета, но внутрь их не пустила.

— Ждите вызова.

Из-за двери доносились голоса. Артём различал слова хуже, чем на улице: придворная речь была быстрой, с непривычными окончаниями. Посланник перечислял имена городов. После каждого имени кто-то ударял палочкой по дереву.

Марас прислонился к стене и закрыл глаза.

— Что он делает? — шёпотом спросил Артём.

— Называет тех, кто принял защиту Ровена.

— В моей летописи это список покорённых городов.

— Защита и покорение часто отличаются тем, кто держит палочку.

Голос посланника стал громче. Теперь он говорил о дорогах, зерне и едином весе для торговли. Предложения звучали разумно. Безопасные пути. Общая мера. Военная помощь. Суд для споров между городами. Артём поймал себя на том, что мысленно составляет конспект реформ, как делал на семинаре.

Потом прозвучало слово, которого он не знал.

Оно повторилось трижды рядом с «нижними дорогами», «восточной стеной» и «до прихода войска».

— Что значит «салет»? — спросил Артём.

Марас открыл глаза.

— Освободить место.

— Какое место?

— Какое велят.

— Это выселение?

— Иногда освобождают склад. Иногда дом. Иногда могилу.

В зале кто-то резко возразил. Посланник ответил спокойно. Артём разобрал: «Людей можно опустить». Или «люди могут спуститься». Предлог потерялся в гуле голосов.

Он вспомнил план города. Верхние кварталы у края чаши, нижние ярусы рядом с водосбросами и древними шахтами. В летописи перед штурмом Ровен «очистил восточный склон от мятежного войска». Если речь шла не о войске...

— Он требует убрать жителей восточных окраин вниз, — сказал Артём.

Дара повернулась к нему.

— Я слышу.

— В моей книге на восточном склоне стояла армия мятежников.

— Там стоят дома гончаров и канатчиков.

— Сколько людей?

— Четыре тысячи зимой. Сейчас больше.

Внутри зала снова ударила палочка. Один раз. Потом второй.

Начальница караула распахнула дверь.

— Архивист Марас. Командир Дара Сей. Чужак.

Артём шагнул к порогу.

Марас удержал его за локоть.

— Последнее, — сказал он. — Если тебя попросят перевести древнюю строку, не переводи слово.

— А что переводить?

Архивист показал на фонтан, на очередь с кувшинами, на восемь желобов, из которых шесть уже не принадлежали всем.

— Мир, в котором это слово что-то значило.

В зале совета люди расступались, освобождая им дорогу. На возвышении сидела женщина в тёмном платье без короны. Рядом с ней лежала плита, покрытая древними знаками. Посланник Ровена стоял к Артёму спиной.

Когда дверь закрылась, он обернулся и произнёс на безупречном языке мёртвого учителя:

— Наконец-то Лаор нашёл человека, который прочтёт условия правильно.

Глава 4. Переводчик при дворе

В зале совета не было трона.

Эсса сидела за тем же длинным столом, что и остальные, только её кресло стояло у торца. Тёмное платье, серебряная нить на вороте, коротко стриженные волосы. Если бы Артём встретил её в коридоре, то принял бы за управляющую богатого дома. Правительницу выдавали люди вокруг: каждый говорил будто для всех, но после каждой фразы смотрел на неё.

Посланник Ровена стоял по другую сторону стола. Перед ним лежала прямоугольная плита величиной с разделочную доску. По серому камню тянулись шесть строк древнего письма. Несколько знаков были заполнены белой пастой, чтобы их видели издали.

— Подойди, — сказала Эсса.

Артём не сразу понял, что обращаются к нему. Дара подтолкнула его между лопаток.

У стола он вспомнил предупреждение о поклоне и склонил голову. Недостаточно низко, судя по лицу пожилого мужчины справа от Эссы, но правительница не придавала этому значения.

— Тебя называют Артём Веденин.

Его имя прозвучало непривычно твёрдо.

— Да.

— Ты пришёл из нижнего хранилища, открыл запертую лестницу и говоришь на языке до Падения.

— Я читаю его лучше, чем говорю. И не всегда правильно.

— Мне уже сообщили, что ты дорожишь своими ошибками.

Марас кашлянул за его спиной. Дара осталась у двери.

Эсса указала на плиту.

— Прочти.

Посланник улыбнулся. Вблизи он выглядел усталым: под глазами залегли тени, на вороте темнело пятно дорожной пыли. Белая ладонь на застёжке казалась новой.

— Позвольте ему начать с первой строки, — сказал он на придворном наречии. — Остальное станет ясно.

Артём наклонился над камнем.

Первая строка была простой. «Дом многих принимает защиту единого». Или: «Общий дом принимает охрану одного». Слова допускали оба порядка. Вторая перечисляла воду, пути и меру зерна. Третья говорила о людях у восточного входа.

Он остановился.

— Читай вслух, — потребовал пожилой советник.

— Мне нужно знать, откуда эта плита.

— Она перед тобой.

— Где её нашли? Что было рядом? Это целая вещь или обломок?

Посланник ответил прежде совета:

— Целая. Из Дома Мер на дороге между Лаором и Кесом. Там древние заключали договоры.

— Откуда вы знаете?

— Над входом написано.

— Что именно?

Улыбка посланника стала тоньше.

— Ты здесь переводчик или дознаватель?

— Пока никто, — сказал Артём. — Но если входная надпись прочитана неверно, название тоже неверно.

По залу прошёл шорох. Несколько советников переглянулись. Эсса положила ладонь на стол.

— Ответьте ему, Эннар.

Теперь у посланника появилось имя.

— Над входом сказано: «Здесь равное становится единым».

Марас тихо втянул воздух.

Артём посмотрел на первую строку снова. «Многие», «единый», «мера». Эти знаки могли относиться не к государствам, а к товарам. Дом, где разные гири сравнивали с одной мерой. Не договорный зал — весовая.

— Это не договор о защите, — сказал он.

Пожилой советник стукнул пальцами по столу.

— Ты прочёл три строки.

— Я прочёл повторяющиеся слова. Здесь говорится о приведении разных мер к одной. Возможно, о проверке весов.

Эннар покачал головой:

— Именно поэтому нужны люди, понимающие смысл, а не только старые окончания. Разные города становятся одним государством. Их дороги, вода и зерно получают общую меру. Первая строка устанавливает защиту.

— Знак защиты здесь похож на знак навеса, — ответил Артём. — В хозяйственных текстах он означает то, что кладут сверху или держат над товаром.

— Похож?

Одно слово ударило точнее обвинения. Артём вспомнил корзины лука, ставшие копьями. Он выпрямился.

— Мне нужна копия входной надписи и записи из того же места.

— У нас нет времени на твои научные привычки, — сказал пожилой мужчина. — Ровен предлагает условия сегодня.

— Тогда сегодня я могу только сказать, что перевод посланника не доказан.

— А твой?

— Тоже.

Эсса спросила:

— Что на третьей строке?

Артём прочёл знаки ещё раз.

— «Стоящие у восточного входа должны быть опущены до...» Дальше слово повреждено. Может быть, до нижней отметки. Может быть, до времени низкой воды.

— Должны быть переселены на нижние ярусы, — уверенно перевёл Эннар. — Чтобы освободить стену для общей защиты.

— На плите нет слова «переселить».

— Оно подразумевается.

— Кем?

— Создателями записи.

— Тогда покажите, что они называли восточным входом.

Эннар положил ладонь на край плиты.

— Ровен прислал меня не спорить о словах. За равниной собираются степные отряды. Поодиночке города погибнут. Лаор получает дороги без разбойников, единый вес для торговли и защиту армии. Взамен восточная стена должна быть готова принять гарнизон.

— А люди? — спросила Дара от двери.

— Люди спустятся туда, где для них приготовят жильё.

— В водосбросные ярусы?

— В безопасную часть города.

— Во время дождей нижняя вода поднимается на два человеческих роста.

— До дождей далеко.

Артём знал эту интонацию. Так на семинаре защищали слабую гипотезу: не отвечали на возражение, а уменьшали срок, в котором оно казалось важным.

Эсса велела Даре подойти. Командир остановилась рядом с Артёмом.

— Сколько времени нужно, чтобы освободить восточную стену? — спросила правительница.

— Если выгнать всех — четыре дня. Если перевести мастерские и запасы так, чтобы люди не голодали, — месяц.

— У вас есть одиннадцать дней, — сказал Артём.

Тишина наступила сразу.

Эннар повернулся к нему всем телом.

— До чего?

Артём понял ошибку прежде, чем Дара успела взглянуть. Дата предназначалась совету, а он выложил её человеку Ровена.

— До следующего большого дождя, — сказал Марас.

Слишком поздно. Эннар смотрел не на архивиста.

— Одиннадцать дней, — повторил он. — Откуда чужак знает наши дороги и сроки?

— Не знает, — ответила Дара. — Гадает.

— Тогда странно, что его догадка так испугала совет.

Пожилой мужчина вскочил.

— Нас никто не испугал.

— Советник Оррас, — тихо сказала Эсса.

Он сел, но лицо осталось красным.

Эсса обратилась к Артёму:

— Объясни.

— Не при посланнике.

Эннар рассмеялся:

— Человек без имени при дворе уже решает, кто достоин слышать его.

— Имя у него есть, — сказала Дара.

— Город есть?

Дара промолчала.

Эсса поднялась. Она была ниже, чем казалась за столом.

— Посланник Эннар, совет услышал предложение Ровена. Вы получите ответ на закате. До этого времени вы и ваши люди останетесь во втором дворе.

— Полководец ждёт ответа до полудня.

— Между Лаором и вашим лагерем три часа пути. Значит, раньше заката он всё равно его не услышит.

— Отсрочка покажет слабость.

— Кому?

Эннар задержал взгляд на правительнице, затем поклонился.

— Тем, кто считает ваши часы.

Он забрал плиту.

— Оставьте её, — сказала Эсса.

— Это дар Ровена.

— Дар уже вручён.

— Условия принадлежат тому, кто их предлагает.

— Тогда это не дар.

Впервые уверенность посланника дрогнула. Его пальцы сжались на камне. Двое серых плащей у стены сделали шаг вперёд, и стражники совета положили руки на мечи.

Артём посмотрел на нижний край плиты. Там, где камень касался стола, белела свежая полоса. Не древний скол — след пилы.

— Она не целая, — сказал он.

Эннар замер.

— Что?

— Вы сказали, плита целая. Нижний край отпилен недавно.

Марас оказался рядом прежде, чем кто-либо его позвал. Он не трогал плиту, лишь наклонился.

— Каменная пыль ещё в порах, — подтвердил архивист. — И масло от пилы.

Оррас потребовал отобрать находку. Эннар вскинул руку.

— Нижняя часть раскололась при перевозке.

— Отпил — не раскол, — сказал Марас.

— Мы выровняли край, чтобы сохранить верх.

— Где остаток?

— На дороге.

— Тогда условий не шесть строк, — сказал Артём. — Мы не знаем, что было ниже.

Эннар отпустил плиту.

— Оставьте себе камень. Ровен предлагает живым защиту, а вы советуется с обломками.

— Живых вы предлагаете спустить к водосбросам, — сказала Дара.

Посланник прошёл мимо неё. У двери он остановился рядом с Артёмом и снова заговорил на древнем языке:

— Ты слышишь слова, но ещё не знаешь, кому они служат.

Артём ответил на той же книжной форме:

— Поэтому я спрашиваю, что вы отпилили.

Эннар улыбнулся без веселья и вышел.

Когда дверь закрылась, в зале заговорили все.

Оррас требовал немедленно принять защиту и торговаться только о сроках переселения. Худой мужчина в зелёной накидке кричал, что восточные мастерские дают городу половину канатов. Женщина с медными кольцами на пальцах считала вслух запасы зерна. Кто-то обвинял Дару в том, что она привела шпиона прямо к столу.

Эсса не повышала голоса. Она дождалась, пока спорящие начнут повторяться, и ударила ладонью по плите.

Звук получился неожиданно звонким.

— Сначала чужак, — сказала она. — Потом Ровен.

Артём остался стоять в центре зала. Теперь, без Эннара, любопытство советников стало откровенно враждебным.

— Говори об одиннадцати днях, — приказала Эсса.

Он рассказал коротко. Учёба. Рукопись. Летопись о падении Лаора. Приписка, которую не увидела камера. Нижний зал. Он не стал объяснять электричество, университетский каталог и три века в терминах, для которых не знал слов. Сказал только, что пришёл из времени после победы Ровена и читал историю этой войны.

Оррас перекрестил руки на груди странным местным жестом.

— Безумец.

— Возможно, — сказал Артём.

— Лжец.

— Возможно.

— Хватит, — оборвала Эсса. — Что написано о совете?

Артём почувствовал сухость во рту.

— Что вы отказались от законной защиты, удерживали торговые пути и укрывали мятежников. После этого Ровен освободил город.

Женщина с кольцами спросила:

— От кого освободил?

— В книге не уточнялось.

— Удобно.

— Да.

— Что стало с восточными домами? — спросила Дара.

Он посмотрел на неё.

— Там стояла армия мятежников. Ровен уничтожил её перед штурмом.

— Четыре тысячи канатчиков и гончаров, — произнесла она. — Хорошая армия. Глиняными горшками отобьются.

— Я не говорю, что летопись права.

— Но ты выучил её.

— У меня не было другой.

Марас тихо сказал:

— Вот как это делается.

Советники притихли.

Архивист провёл пальцем над отпиленным краем, не касаясь пыли.

— Не обязательно разбивать все плиты. Достаточно сохранить верхнюю часть и назвать её целой. Через три поколения мальчик вроде Артёма выучит шесть строк. Нижних будто не было.

— Мы не знаем, что там было, — заметил Оорас.

— Именно.

— Может быть, перечень пошлин.

— Может быть. А может быть, запрет использовать весовую как казарму. Пока не найдём остаток, честный ответ один: не знаем.

Оорас поморщился:

— Город нельзя защищать ответом «не знаем».

— А ложным ответом можно погубить, — сказала Эсса.

Она подошла к Артёму.

— Назови дату падения Лаора.

— Восемнадцатый день Высокого Света считается началом осады. Падение — через двадцать шесть дней после него.

— Считается кем?

— Историками моего времени.

— Ты сам видел источники?

— Позднюю копию летописи и несколько надписей, найденных при раскопках. Первоначальный текст не сохранился.

— Кто написал летопись?

— Автор назван только по должности: первый летописец единого войска.

— Имя?

— Нет.

— Свидетели?

— В тексте есть речи участников, но они записаны слишком гладко. Скорее всего, их сочинили или исправили позднее.

Эсса оглянулась на совет.

— И эту книгу через три века будут считать правдой?

— Её считали основным источником.

— А наши записи?

— Почти не сохранились.

Женщина с кольцами сжала руки.

— Почти?

— Несколько хозяйственных табличек. Надписи на машинах. Список податей, который считали перечнем военных поставок.

Марас издал звук, похожий на стон.

— Я тридцать лет собираю архив, чтобы от него остался неправильно прочитанный счёт.

— Возможно, остались другие вещи, о которых я не знаю.

— Опять возможно, — бросил Оррас.

Артём повернулся к нему.

— Вам хочется, чтобы я уверенно назвал будущее. Но если я сделаю это, вы начнёте принимать решения ради текста, который мог солгать. Тогда летопись победит ещё до прихода Ровена.

Оррас поднялся медленно.

— А если мы не примем защиту и через одиннадцать дней увидим двадцать тысяч воинов?

— Тогда уверенный ответ сегодня их не уменьшит.

— Зато гарнизон Ровена окажется на стене.

— И четыре тысячи жителей — под водосбросом.

— Иногда правитель выбирает, кого спасти.

— Нет, — сказала Дара. — Иногда он выбирает, кого отдать первым.

— Ты командуешь обходчиками, не советом.

— Поэтому я знаю имена тех, кого вы называете местом для гарнизона.

Спор вспыхнул снова, но теперь линии стали ясны. Оррас и ещё двое хотели принять предложение, выиграть время и спорить о переселении потом. Дара требовала закрыть восточный проход и готовить эвакуацию не вниз, а через северные дороги. Советница с кольцами считала зерно и не обещала невозможного. Марас просил людей, чтобы искать отпиленную часть плиты.

Эсса слушала.

Артём смотрел на сохранившиеся шесть строк. Белая паста выделяла одни знаки и скрывала мелкие черты возле других. Он попросил воды. Советница с кольцами подала чашу.

— Что ты делаешь? — спросила она, когда он намочил палец.

— Паста свежая.

Он провёл по краю одного знака. Белое размазалось, и под ним появилась короткая поперечная риска.

Марас наклонился рядом.

— Не стирай всё. Сначала зарисовать.

Ему принесли дощечку с воском. Архивист быстро скопировал строку, отмечая каждую трещину. Потом Артём смыл пасту с двух знаков.

Первый перестал быть «защитой». Дополнительная черта превращала навес в крышку мерного сосуда. Второй знак, прочитанный Эннаром как «люди», оказался грузом: маленькая отметка внизу обозначала неодушевлённое множество.

— Стоящие у восточного входа, — медленно сказал Артём, — это не жители.

— Что тогда? — спросила Эсса.

— Меры. Сосуды или гири. Их нужно опустить до нижней отметки перед проверкой.

Плита объясняет, как сравнить весы.

Советница с кольцами забрала восковую копию.

— Значит, Ровен подделал перевод.

— Кто-то заполнил пастой именно те места, которые меняют смысл.

— Это и есть подделка.

— Да. Но мы не знаем, сделал ли это Ровен, Эннар или человек до них.

Дара усмехнулась:

— Посланник принёс плиту, потребовал по ней выселить восток и забрал бы обратно, если бы мог. Мне хватает.

Оррас не сдавался:

— Камень ложный. Степные отряды настоящие.

— Поэтому ответ будет о настоящем, — сказала Эсса.

Она вернулась к своему месту.

— Лаор принимает общий вес на дороге и переговоры об охране торговых путей. Гарнизон Ровена в город не войдёт. Восточные жители останутся в домах. Мы предложим осмотреть стены вместе с его мастерами, без воинов.

— Он откажется, — сказал Оррас.

— Тогда станет ясно, что ему нужна не стена.

— Он сочтёт это вызовом.

— Он уже прислал ложный перевод как приказ. Вызов пришёл раньше ответа.

Эсса начала раздавать распоряжения. Удвоить наблюдение на восточной дороге. Проверить нижние склады. Не закрывать ворота для одиночных путников, чтобы не вызвать панику, но телеги осматривать. Даре — составить список путей, по которым можно вывести жителей востока, если начнётся пожар. Советнице с кольцами, которую звали Рема, — пересчитать зерно отдельно от дворцового запаса.

Марасу досталась плита.

— Найдите, откуда она. И что было в отпиленной части.

— Мне нужны три писца и доступ к дорожному архиву.

— Два писца.

— Три. Один будет таскать лестницу.

— Два писца и солдат.

— Солдат уронит лестницу.

— Тогда падайте по очереди.

Марас поклонился, довольный победой.

Артём ждал своего распоряжения. Вероятнее всего — запретить. В лучшем случае вернуть Лейне. Вместо этого Эсса подозвала Дару и заговорила так тихо, что он различил только «ночь», «комната» и «не один».

— Я могу помочь с плитой, — сказал Артём.

— Ты уже помог, — ответила Эсса. — И сообщил посланнику срок, который он не называл.

— Это была ошибка.

— Марас считает, что ты умеешь ошибаться с пользой. Я пока вижу пользу и ошибку отдельно.

Она взяла восковую дощечку с копией исправленных знаков.

— Если ты говоришь правду, у нас есть одиннадцать дней до армии и двадцать шесть до падения города. Если лжёшь, срок может быть ещё меньше. Если безумен, твои знания всё равно уже спасли четыре тысячи людей от решения, принятого по поддельной строке.

— Поэтому вы мне верите?

— Нет. Поэтому я не могу позволить себе тебя потерять.

Эсса приказала поселить его в доме архивиста. Дара отвечала за надзор, Марас — за работу. Артёму запрещалось покидать верхние и средние ярусы без сопровождения, касаться

машин и говорить о будущем на площадях. Каждый перевод должен был получать две копии: одну совету, другую в открытый городской архив.

— Почему открытую? — спросил Ограс.

— Потому что закрытая история уже пришла к нам с отпиленным краем.

Марас улыбнулся.

Дара — нет.

— Я не нянька, — сказала она.

— Именно поэтому он, возможно, доживёт до завтра.

— А если побежит?

— Узнай у него дорогу в Москву и поставь стражу на ней.

Несколько советников засмеялись. Напряжение ослабло, но лишь на миг. За окнами второго двора ударил колокол. Посланник требовал ответа.

Эсса задержала Артёма у двери.

— В твоей летописи я погибаю?

Он помнил список: правительница Лаора взята при падении дворца, дальнейшая судьба неизвестна. В учебной статье «неизвестна» означало пробел. Здесь перед ним стоял живой человек, и пробел обретал лицо.

— После штурма о вас нет записей.

— Значит, погибаю или становлюсь неудобной.

— Возможно.

— Оставь это слово для камней.

Она вышла к посланнику.

Марас взял плиту, Дара снова привязала ремень к запястью Артёма, хотя теперь узел был свободным. Они покинули зал через боковую дверь.

В коридоре архивист остановился у проступающей сквозь известь надписи о воде для грязных ног.

— Первый день при дворе, — сказал он. — Ты обвинил Ровена в подделке, испугал совет будущей армией и получил жильё.

— Я не обвинял Ровена.

— Тогда у тебя ещё всё впереди.

Дара потянула ремень.

— Быстрее. До дома Мараса далеко.

Артём посмотрел в сторону второго двора. За стеной Эннар получал ответ, который в его летописи назывался отказом от законной защиты. Теперь Артём слышал, как рождается эта строка: из предложения впустить чужой гарнизон, приказа выселить четыре тысячи человек и камня с аккуратно отпиленным низом.

Он думал, что знание будущего даст ему преимущество. Вместо этого оно оказалось комнатой с одной дверью, над которой кто-то заранее повесил неверную табличку.

И всё же одну строку сегодня удалось прочесть заново.

Четыре тысячи жителей востока пока оставались не армией, а людьми.

Глава 5. Победитель входит в хронику

Дом Мараса начинался с лестницы и, казалось, ею же заканчивался.

Лестница поднималась между двумя стенами, поворачивала вокруг печной трубы, ныряла под сушившимися связками трав и выводила на площадку, где едва могли разминуться двое. С площадки вели три двери. За первой хранились свитки, за второй спала Лейна, за третьей Артёму отвели узкую комнату с окном на соседнюю крышу.

— Если ночью услышишь скрежет, не пугайся, — сказал Марас. — Это дом садится.

— Куда?

— Пока никуда. В том и хорошая новость.

Лейна, не оборачиваясь от очага, велела брату не пугать гостя. Слово «гость» прозвучало слишком доброжелательно для человека с ремнём на запястье. Дара сняла ремень только в комнате и привязала его к железному кольцу в стене.

— Эсса сказала надзирать, — объяснила она.

— А если дом сядет?

— Вытащу кольцо и пойду за тобой.

Она проверила ставни, заглянула под кровать, куда не поместился бы даже ребёнок, и ушла дежурить у восточных ворот. Марас унёс плиту в архив. Лейна поставила перед Артёмом миску с густой кашей, кувшин воды и лампу, а затем закрыла дверь снаружи.

После зала совета тишина казалась подарком. Артём лёг, не снимая чужой рубахи, и закрыл глаза.

Перед ним сразу возникли шесть строк на отпиленном камне.

Не армия, а меры. Не защита, а крышка сосуда. Четыре тысячи людей, превращённые двумя каплями белой пасты в помеху у стены.

В университете подобную подмену назвали бы тенденциозным чтением. Написали бы статью, сопоставили списки, вынесли разночтения в примечания. Здесь от неправильного падежа зависело, кто будет спать в сухом доме, а кто — под водосбросом.

Он вспомнил, как Эсса спросила о своей смерти. Вспомнил собственное «возможно» и понял, что заснуть не сможет.

Тогда он сел у окна и начал восстанавливать по памяти главу из летописи.

«На двенадцатый день месяца долгих теней Ровен вошёл под стены Лаора, дабы прекратить распрю между советом и народом. Восточная армия мятежников, устранившись его знамён, оставила укрепления без боя. Полководец пощадил тех, кто сложил оружие, и повелел снабдить нижние убежища водой».

Артём повторил фразу шёпотом. Она была гладкой, как речная галька. Ни одного имени. Ни одного действия, за которое можно ухватиться. Армия сама оставила укрепления. Полководец сам пощадил. Вода сама оказалась милостью.

Слово «двенадцатый» беспокоило его сильнее остального. Он сказал Эннару об одиннадцати днях, считая от даты в рукописи. Но местный календарь он ещё не понимал. Начинался ли день с рассвета или с вечернего колокола? Совпадали ли месяцы? Не была ли дата вставлена поздним переписчиком?

Внизу хлопнула дверь. По лестнице пробежали быстрые шаги. Кто-то ударил в его дверь кулаком.

— Вставай, человек из завтра, — сказала Дара. — Твоё завтра решило прийти раньше.

Она отвязала ремень и бросила ему короткий плащ. На площадке стояла Лейна с лекарской сумкой через плечо. Волосы она затянула платком, рукава закатала до локтей.

— Что случилось? — спросил Артём.

— На восточной дороге телеги, — ответила Дара. — С зерном, досками и приказом освободить проезд.

— Чьи телеги?

— Ровена. А дорога проходит через дома канатчиков.

Они спустились на улицу. Ночь ещё держалась в щелях между крышами, но над верхними ярусами уже серело небо. Город просыпался не обычным шумом лавок, а короткими ударами в металлические пластины. На перекрёстках зажигали синие фонари обходчиков. Люди открывали ставни, спрашивали друг друга о пожаре и, не получив ответа, одевались прямо на ходу.

Дара повела их вниз и на восток. Артём старался не отстать. После бессонной ночи ступени двоились, а в животе качалась непривычная каша.

— Он не мог получить ответ и собрать обоз так быстро, — сказал Артём.

— Значит, собрал до ответа.

— Тогда переговоры были только поводом.

— Для тебя это новость?

— Для совета может стать доказательством.

Дара оглянулась.

— Совет любит доказательства, когда за ними не нужно бежать до рассвета.

На восточном склоне дома стояли теснее. Между опор древней дороги были втиснуты гончарные печи, сараи и длинные навесы с натянутыми канатами. Здесь пахло мокрой пенькой, дымом и глиной. Улица спускалась к воротам широкими уступами. Нижний уступ уже перегородили шесть тяжёлых телег.

Возчики носили серые плащи без оружия. Вооружённые люди стояли в стороне, за дорожным столбом, будто не имели отношения к обозу. На первой телеге белела доска с печатью Ровена.

Перед колёсами собрались жители. Рослый канатчик держал багор поперёк груди. Рядом с ним женщина в кожаном фартуке прижимала к себе девочку лет десяти. Из переулков подходили ещё люди.

— Кто главный? — спросила Дара.

— Дорога общая, — отозвался возчик. — Главного у дороги нет.

— Тогда говорить буду с лошадьё. Она честнее.

Возчик помрачнел и указал на доску.

— Приказ полководца Ровена. Для защиты Лаора у восточной стены создаётся запас. Зерно и дерево пропустить, улицу очистить на ширину двух повозок. Сараи, мешающие проезду, разобрать. Владельцам заплатят после установления общей меры.

Артём подошёл ближе. Текст был написан местным письмом, а внизу стояли четыре знака на языке мёртвого учителя. Он узнал формулу с плиты: «многие под одной крышкой».

— Вчера совет не разрешал устраивать запас, — сказала Дара.

— Совет разрешил переговоры об охране дорог. Мы начали с дороги.

— На земле Лаора распоряжается Лаор.

— Мы ещё не вошли в город.

Возчик показал на тонкую канаву поперёк улицы. За ней начиналась старая каменная плита дороги, перед ней лежали новые булыжники. Граница проходила между передними и задними колёсами первой телеги.

— Передние вошли, — заметил Артём.

Несколько жителей засмеялись. Возчик посмотрел на колёса так, будто они его предали.

Дара не улыбнулась.

— Отведите обоз за дорожный столб. До решения совета ни одно колесо не пересечёт канаву.

— Зерно предназначено вам.

— Тогда оно подождёт нас снаружи.

Из-за телег вышел Эннар. Вчерашняя дорожная пыль исчезла с его плаща, белая застёжка блестела. Значит, он не уезжал далеко или вернулся с заранее подготовленным обозом.

— Командир Дара, — произнёс он. — Полководец опасался, что совету понадобится время. Поэтому послал помощь без ожидания благодарности.

— Мы не просили помощи.

— Люди просят её самым голодом.

Эннар оглядел навесы, печи, толпу. Его взгляд задерживался не на лицах, а на ширине проходов и высоте крыш.

— До дождей нижние склады отсыреют, — продолжил он. — Верхние малы. Мы создадим сухой запас у стены. Ради этого придётся разобрать пять сараев и две печи. Лучше потерять строение, чем квартал.

Женщина в фартуке шагнула вперёд.

— Одна печь моя. В ней обжигают водяные трубы.

— Получишь новую.

— Когда?

— После объединения мер.

— Чем кормить семью до этого?

Эннар посмотрел на неё почти с сожалением.

— Если каждый будет держаться за собственную печь, город потеряет все печи.

Артём узнал не слова, а построение фразы. В летописи Ровен перед штурмом говорил: «Кто хранит свой порог, отдаёт врагу весь дом». На семинарах это считали примером суровой ясности великого полководца.

В живой улице ясность оказалась требованием к женщине лишиться работы сейчас в обмен на обещание потом.

— Кто враг? — спросил Артём.

Эннар повернулся к нему.

— Ты всё ещё здесь.

— Кто враг, от которого спасают эти кварталы?

— Степные отряды жгут селения в двух днях пути.

— Названия селений?

— Чужак требует карту войны?

— Чужак пытается понять, почему зерно привезли раньше, чем ваш посланник получил ответ.

Эннар подошёл близко. Он был чуть выше Артёма и держался спокойно, не касаясь меча.

— История всегда опаздывает, переводчик. Когда она доказывает необходимость решения, решать уже некому.

— Поэтому вы решили за людей с печами?

— Поэтому мы привезли им зерно.

Со стороны ворот раздался одиночный звук рога.

Вооружённые люди за столбом расступились. По дороге поднимались всадники — около тридцати, без поднятых копий и щитов, в одинаковых серых плащах. В центре ехал широкоплечий мужчина на невысоком гнедом коне. Ни шлема, ни золота, только тёмный панцирь из узких пластин и красный шнур на левом плече.

Толпа затихла раньше, чем Эннар назвал его.

— Полководец Ровен прибыл говорить с жителями Лаора.

Артём видел его лицо десятки раз. На монетах — молодой профиль с высоким лбом. На поздних фресках — седой властитель, положивший ладонь на карту объединённых земель. На обложке университетского издания художник добавил ему орлиный нос и тяжёлую корону.

Живой Ровен был моложе всех изображений, лет тридцати пяти. Нос когда-то ломали. На подбородке белел короткий шрам. Он сутулился в седле, словно много часов провёл в дороге, и смотрел на людей с вниманием мастера, оценивающего повреждённую вещь.

Победитель вошёл в историю без короны и фанфар. Конь переступил канаву передними ногами, и Артёму захотелось крикнуть, что именно так начнётся чужая формулировка: Ровен вступил в Лаор по просьбе народа.

Дара встала перед конём.

— Совет ждёт послов во втором дворе.

— Посол уже передал мои слова, — ответил Ровен. Голос оказался негромким. — Я приехал услышать тех, кому совет велел отказаться от зерна.

— Совет зерна не отвергал. Он не разрешал занимать улицы.

— Пять сараев — не улица.

— Для тех, чьи они, разница заметна.

Ровен спешил. Один из всадников принял повод, но полководец остановил его и сам привязал коня к дорожному кольцу. Простое движение было рассчитано лучше приветствия: он показывал, что не боится остаться на земле среди людей.

— Чья печь? — спросил он.

Женщина в фартуке подняла руку.

— Как тебя зовут?

— Сава.

— Сколько труб ты сделала за прошлый месяц?

Она замялась.

— Сорок две целых. Ещё девять лопнули.

— Лаору нужно больше сотни до сезона дождей. Я дам глину и две походные печи. Ты обожжёшь сто двадцать труб. За каждую получишь зерном по общему весу. Твою печь разберём только после первой партии.

Сава опустила руку. Предложение было лучше, чем обещание Эннара. В толпе зашептались.

Ровен повернулся к канатчику с багром.

— А ты?

— Тирс. Навес мой и братьев.

— Сколько каната дадите за семь дней?

— Если не разбирать крутильню — двести локтей корабельного.

— Мне нужно триста. Дам пеньку и десять работников.

— Работники умеют крутить?

— Научишь.

Тирс почесал бороду. Багор опустился.

Артём понял, почему летопись называла восточные кварталы сторонниками Ровена до «мятежа». Полководец не просто угрожал. Он видел нужду, называл число, предлагал обмен. Для человека, которому совет годами не мог починить водосток, это выглядело не захватом, а редкой деловитостью.

Цена пряталась в направлении сделки. Печи должны были делать трубы по его счёту. Канаты — для его нужды. Его зерно становилось мерой труда. Через неделю квартал зависел бы от обоза, через две — от охраны обоза, через три гарнизон охранял бы то, без чего люди уже не могли жить.

— Для чего трубы? — спросил Артём.

Ровен посмотрел на него впервые.

Взгляд был не узнающим, а измеряющим. Так Марас смотрел на неизвестную табличку: сначала материал, потом повреждения, лишь затем смысл.

- Для воды.
- Куда?
- В нижние убежища.
- Совет не решил переселять людей.
- Совет может не решать. Дождь и война решат вместо него.
- Вода в нижних ярусах поднимается на два человеческих роста.
- Поэтому нужны трубы.

Ответ был готов заранее и звучал разумно. Артём вдруг увидел всю конструкцию: Ровен создавал опасность и одновременно продавал защиту от неё. Освободить улицу для обоза. Сделать трубы для убежищ. Спустить жителей ради стены. Впустить солдат ради жителей. Каждый отдельный шаг можно было оправдать, а вместе они оставляли только один итог.

- Вы приказали Эннару изменить надпись на плите? — спросил Артём.

Дара тихо выругалась.

Ровен не удивился.

- Какую надпись?

- Где гири превратили в людей, а крышку мерного сосуда — в вашу защиту.

Эннар шагнул вперёд, но полководец остановил его движением ладони.

- Ты прочёл камень иначе?

- Мы смыли пасту.

- Тогда камень вам пригодился.

- Вы знали?

— Я знаю, что древние не оставляли нам государства. Они оставили дороги, водоводы и руины, под которыми мы хороним детей. Государство приходится строить живым.

- Из ложного перевода?

— Из общего правила. Если десять городов называют одну гирю десятью именами и режут купца на десяти границах, приходит одиннадцатый народ и забирает всё. Я предлагаю меру, которую будут признавать от моря до степи.

- А кто не признает, станет мятежником?

Ровен посмотрел на толпу.

- Кто с оружием мешает провести хлеб голодным, как его назвать?

Люди отступили от Тирса на полшага. Тот заметил это и сжал багор.

Артём почувствовал холод, хотя над крышами уже вставало солнце. Полководец сделал то же, что будущая хроника: выбрал начало рассказа. Не обоз прибыл занимать квартал, а человек с оружием мешал хлебу. Всё прежнее исчезло за одной точной фразой.

— Назвать по имени, — сказал Артём. — Тирс, канатчик. Он защищает свой навес. Сава, гончар. Она хочет знать, кто кормит её детей, пока печь разобрана. Дара, командир Лаора. Она выполняет решение совета. Тогда придётся отвечать каждому, а не удобному слову.

Ровен чуть склонил голову.

- А ты кто?

Вопрос ударил туда, где защиты не было. Человек без города. Чужая рубаха, чужой ремень на запястье, знание, которому никто не обязан верить.

- Артём Веденин. Переводчик при совете.

- При совете со вчерашнего дня?

- Этого хватило, чтобы увидеть подделку.

- И не хватило, чтобы понять город.

Ровен подошёл к доске на телеге и сорвал её одним движением. Потом протянул Артёму.

- Прочти вслух.

Текст обещал зерно, дерево, общую меру и защиту дороги. В нём не было приказа о переселении. Разобрать мешающие постройки следовало «по согласию держателей». Возчик произнёс другое.

— Здесь сказано, что сараи разбирают с согласия владельцев, — сказал Артём.

Толпа загудела. Сава повернулась к возчику. Тирс снова поднял багор, но теперь смотрел не на телеги, а на Эннара.

Ровен даже не обернулся к своим людям.

— Значит, без согласия не разберут.

— Ваш возчик сказал иначе.

— Теперь ты исправил его. Для этого и нужны переводчики.

Полководец не защищал ложь и не признавал вины. Он использовал разоблачение как доказательство собственной справедливости. Артём почувствовал почти физическое восхищение — и тут же испугался его.

Ровен обратился к жителям:

— Я не войду в ваши дома без слова совета. Обоз останется за канавой. Кто хочет работать за зерно, назовёт своё имя Эннару. Кто не хочет, сохранит печь и навес. Но через десять дней сюда придут люди, которые не станут спрашивать согласия. Тогда мои солдаты будут держать дорогу там, где смогут, а не там, где вам удобно.

Десять дней.

Артём поймал взгляд Дары. Она тоже услышала разницу.

— Вчера было одиннадцать, — сказал он.

— До чего?

— До подхода вашей армии.

— Моя армия уже здесь.

Ровен указал на тридцать всадников.

— Остальные подойдут, когда понадобятся.

— Откуда вы знаете мой срок?

— Эннар сообщил о человеке, который считает мои дни. Мне стало любопытно.

— Поэтому вы приехали?

— Поэтому тоже.

На верхней улице ударил колокол совета. Один длинный звон и два коротких — Дару вызывали во дворец.

Ровен отвязал коня.

— Передай Эссе: я буду у восточного столба до полудня. Мы измерим зерно её гириями и моими. Если вес совпадёт, жители сами решат, нужна ли им общая мера.

— А если не совпадёт? — спросила Дара.

— Тогда узнаем, кто годами обвешивал людей.

Он сел в седло. Эннар хотел что-то сказать, но Ровен заставил его остаться у обоза.

Всадники отступили за столб. Полководец сдержал обещание буквально: все копыта оказались снаружи городской границы. Только первая телега по-прежнему стояла передними колёсами в Лаоре.

Сава подошла к Эннару первой.

— Покажи походную печь, — сказала она. — Сначала покажи, потом запишу имя.

За ней двинулись ещё трое. Тирс остался у навеса, однако багор поставил к стене.

— Он купил их? — спросил Артём.

— Нет, — ответила Дара. — Он предложил то, что им нужно. Это хуже. Купленного можно обвинить. Голодного — нет.

Лейна уже осматривала старика, которого толкнули у телеги. Она велела Артёму держать сумку, пока перевязывала рассечённую ладонь.

— Совет запретит им брать зерно? — спросил он.

— Если запретит, Ровен победит до обеда, — сказала Дара. — Если разрешит, к вечеру половина востока будет должна ему работу.

— Есть третий вариант. Город покупает обоз сам и распределяет зерно без его условий.

— На какие деньги?

Артём посмотрел на дома, печи, длинные канаты под навесами. В летописи восток просто «оставил укрепления». Теперь он видел, сколько решений нужно было стереть, чтобы получить эту гладкую строку.

— Не знаю.

— Полезный ответ.

— Марас бы одобрил.

Дара впервые за утро улыбнулась, но улыбка исчезла сразу.

— Ты понял, кто перед тобой?

— Да.

— Я не о человеке из твоей книги.

Артём посмотрел за дорожный столб. Ровен говорил с всадником, держа ладонь на шее коня. Он казался терпеливым, почти усталым. Не чудовище, не бронзовый профиль, не безумец, который мечтает сжечь город. Человек, умеющий сделать чужую нужду частью собственного плана и оставить противнику выбор только между плохим и худшим.

— Он верит, что спасает их, — сказал Артём.

— Верит.

— И если ради этого придётся утопить нижние ярусы...

— Назовёт утонувших ценой спасения остальных.

Колокол повторил вызов.

Дара приказала двум обходчикам остаться у канавы, записывать каждое имя и не позволять разгружать обоз в городе. Потом повела Артёма обратно вверх. Лейна осталась с жителями.

На первом подъёме Артём остановился и оглянулся.

У телеги выстроилась очередь. Не длинная — семь человек. Сава ощупывала кирпич походной печи. Эннар записывал имена на дощечке. Тирс стоял под своим навесом и смотрел, как братья спорят о предложенной пеньке.

Ровен ждал за границей.

В будущей хронике он входил в Лаор после бегства мятежников. На самом деле он уже вошёл: мерой зерна, обещанием работы, числом труб, чужим именем на дощечке. Для захвата города ему пока не понадобилось переступить канаву.

Артём повторил про себя имена: Сава. Тирс. Дара. Эннар. Ровен.

С этого утра он решил записывать их все.

Не потому, что знал правду.

Потому что видел, как быстро человек без имени превращается в армию, а приказ — в милость.

Глава 6. Неправильная победа

В открытом архиве не было дверей.

От площади его отделяли три каменные арки и низкая цепь, которую натягивали только во время дождя. За арками стояли столы для писцов, шкафы с восковыми дощечками и длинные полки, на которых свитки лежали в глиняных трубах. Любой горожанин мог войти, назвать запись и получить копию. Если не умел читать, дежурный читал вслух.

— Поэтому Ооррас считает это место дорогой лавкой слухов, — объяснил Марас. — А Эсса — единственной причиной, по которой Ооррас пока не продал город дважды.

Архивист говорил шёпотом, хотя вокруг стучали дощечки и переговаривались люди. После восточных ворот Артёма привели сюда прямо с заседания совета. Дара осталась докладывать Эссе, а Марасу поручили выяснить, почему речь Ровена о единой мере кажется чужаку знакомой.

На столе лежали четыре копии.

Первая — исправленная надпись с каменной плиты. Вторая — приказ на обозе. Третья — запись слов Ровена у восточной канавы, которую сделал обходчик. Четвёртая существовала только в памяти Артёма.

— Ещё раз, — сказал Марас.

Артём повторил фрагмент будущей летописи:

— «Не стены соединяют города, но общая мера, общий путь и общая защита. Кто хранит свой порог, отдаёт врагу весь дом. Кто складывает оружие, получает хлеб; кто поднимает его против хлеба, сам называет себя мятежником».

Молодая писец по имени Нета провела резцом по воску. Последние слова не поместились, и она стёрла край ладонью.

— Красиво, — сказала она.

— В книге это была речь перед штурмом. Её учили наизусть.

— Ты учил?

— К экзамену.

— Значит, пригодилось.

Марас подвинул к нему запись с восточной улицы.

— Что из этого он сказал сегодня?

Артём отметил ногтем: общая мера, дороги, одиннадцатый народ, хлеб голодным, человек с оружием у обоза.

— Почти половину.

— Нет, — возразил Марас. — Половину ты узнал. Это не одно и то же.

Он заставил Артёма разделить будущую речь на короткие утверждения и возле каждого поставить знак: услышано сегодня, прочитано на плите, известно только из летописи или восстановлено приблизительно. Работа раздражала своей медленностью. Артём хотел увидеть целую картину, а Марас разбивал её на куски, как глиняный сосуд.

Через час оказалось, что дословно совпадали только семь слов. Общая мера. Хлеб. Оружие. Порог. Дом. Враг. Защита. Порядок менялся. Связи между ними тоже.

— Значит, память подвела, — сказал Артём.

— Возможно.

— Не произноси это слово при Эссе.

— Тогда скажем: память ещё не осуждена, но свидетели против неё убедительны.

Нета прыснула.

Марас взял копию плиты.

— Здесь многие меры и одна крышка. Эннар делает из крышки защиту. Ровен говорит об общей мере. В твоём будущем всё соединяется в одной речи. Что проще: твоя память склеила знакомые слова или будущий летописец склеил разные дни?

— Второе объясняет слишком много.

— Поэтому оно опасно. Объяснение, которое сразу объясняет всё, обычно просит, чтобы ему простили отсутствие доказательств.

Артём откинулся на спинку стула. За арками площади торговка громко требовала запись о праве на водяной желоб. Дежурный искал нужную трубу. Двое мальчишек спорили, кто первым получит дощечку для счёта.

— В рукописи были ссылки на «свидетельство передового отряда» и «слова, сохранённые очевидцем», — вспомнил он. — И ещё на ранний список речи. Я считал, что это независимые источники.

— А видел их?

— Нет. Они утрачены.

— Очень воспитанные источники. Подтверждают нужное и не требуют места на полке. Нета подняла голову.

— У нас есть свидетельство передового отряда.

— Какое? — одновременно спросили Артём и Марас.

Она показала на приказ с обоза.

— Доску принесли люди, прибывшие впереди войска. Это запись передового отряда.

Артём перечитал заголовок местного писца. «Слова при первом подвозе». В позднем языке слово «подвоз» действительно могло означать обеспечение передовых частей. Если переписчик сократил подпись, хозяйственный приказ легко превращался в военное свидетельство.

— А очевидец? — спросил он.

Марас взглянул на запись обходчика.

— Человек, который слышал Ровена у канавы.

— Речь ещё не произнесена, а источники для неё уже существуют.

Нета нахмурилась.

— Если вы знаете, что из них сделают ложь, напишите рядом правду.

— Какую? — спросил Марас.

— Что полководец говорил у востока, что доска лежала на обозе, что камень был испорчен.

— Именно это и напишем. Только правду нельзя положить рядом один раз и надеяться, что она останется рядом триста лет.

Он велел Нете приготовить три одинаковые записи. Одну — в открытый шкаф. Вторую — в подземное хранилище. Третью — отдать гильдии гончаров, чтобы копия жила не у совета.

Артём смотрел, как она выводит заголовок, и чувствовал странную надежду. Вот он, способ изменить историю: не произнести великую речь, не убить будущего победителя, а сделать три скучные копии с точным местом и датой.

Надежда продержалась до тех пор, пока с площади не донёсся грохот.

Одна из глиняных труб упала с внешней полки и разбилась. Потом ещё одна.

Марас вскочил первым.

Через арку Артём увидел серый плащ, исчезающий в толпе. У полки стоял мальчик лет двенадцати и держал камень.

— Я не хотел! — закричал он. — Мне дали медяк!

Дежурный схватил его за плечо. Люди на площади расступались, пропуская двух бегущих обходчиков. Серого плаща уже не было видно.

Марас опустил голову возле осколков. Из разбитых труб высыпались свитки. Один попал в лужу у водяного лотка, другой развернулся под ногами.

— Какие номера? — спросил архивист.

Дежурный назвал полку и ряд.

Марас выругался.

— Переписка о восточной дороге за последние три года.

Артём помог собирать свитки. Большинство уцелело, но у двух отломились печати, а чернила на третьем расплывались от воды. Мальчик плакал и повторял, что должен был разбить только одну трубу.

— Кто дал медяк? — спросил Артём.

— Мужчина.

— Какой?

— В плаще.

— Цвет?

— Серый.

Половина людей Ровена носила серое. Половина ремесленников Лаора тоже.

Марас развернул мокрый свиток на столе.

— Это не нападение на архив, — сказал он.

— Только не начинай про отсутствие доказательств.

— Это первая проверка. Хотели увидеть, кто прибежит, как быстро закроют проход, куда понесут повреждённое и есть ли копии.

Нета побледнела.

— Откуда вы знаете?

— Если хотят уничтожить записи, бросают масло и огонь. Камнем проверяют звук.

Дара появилась в арке, будто её вызвала эта фраза. За ней шли четверо обходчиков.

— Закрыть архив, — приказала она.

— Нет дверей, — напомнил Марас.

— Тогда натянуть цепь.

— Она от дождя.

— Сегодня дождь из камней.

Цепь натянули между арками. Толпа загудела. Торговка у водяного желоба потребовала свою запись. Дежурный ответил, что выдача прекращена до проверки, и спор стал громче.

Марас посмотрел на Дару с яростью, которой Артём от него не ожидал.

— Ты только что подарила тому, кто бросил камень, закрытый архив.

— Я не оставлю полки без защиты.

— Поставь людей внутри. Открой проход.

— Пока не узнаю, что пропало, никто не войдёт.

— Тогда слух скажет, что совет прячет записи о востоке.

— Пусть слух подождёт час.

— Слух никогда не ждёт.

Артём увидел, как люди на площади оглядываются на серых плащах. Камень повредил три трубы. Цепь уже меняла смысл случившегося для сотни свидетелей.

— Откройте среднюю арку, — предложил он. — Поставьте там стол. Все повреждённые записи проверяйте на глазах у людей. Нета будет читать номера вслух. Если чего-то нет, узнают сразу.

Дара покачала головой:

— Слишком много рук.

— Именно. Нельзя будет сказать, что вы подменили свиток за цепью.

Марас поднял мокрую запись.

— Чужак сегодня полезен второй раз. Это начинает раздражать.

Дара приказала открыть среднюю арку. Стол вынесли к самой цепи. Нета объявляла номер, Марас сверял его с каталогом, дежурный показывал печать собравшимся. Промокшие листы раскладывали на полотне. Торговка с площади добровольно считала их вслух и так грозно шикала на соседей, что обходчики перестали опасаться чужих рук.

Пропал один свиток.

По каталогу в нём были жалобы гончаров на дорожную пошлину Ровена прошлой весной. Марас сразу нашёл запись о копии в доме гильдии.

— Камень отвлекал, плащ забрал нужное, — сказала Дара.

— Или нужное забрали раньше, а сегодня хотели обнаружить пропажу при свидетелях, — ответил Артём.

— Ты быстро учишься портить простые объяснения.

— Марас виноват.

Архивист не слышал. Он смотрел на пустое место в каталоге, словно там лежало тело.

— Жалоба была о чём? — спросил Артём.

— Прошлой весной сборщики Ровена поставили весы у северной развилки. Брали по одной части с двадцати за охрану дороги. Восточные гончары отказались платить дважды — им уже начислял Лаор. Тогда сборщики разбили несколько возов.

— Почему это важно сейчас?

— Потому что сегодня он предложил тем же гончарам общий вес как новую справедливость.

Без жалобы предложение выглядело первым шагом к порядку. С жалобой — вторым шагом после принуждения.

Артём посмотрел на дощечку с будущей речью. «Не стены соединяют города, но общая мера». Красивая фраза снова потеряла невинность.

— Сделайте копию жалобы из гильдии, — сказал он.

— Уже послал человека.

— Не одну. Пусть сами гончары прочитают её сегодня у обоза.

Дара кивнула обходчику.

— И мальчика не бейте, — добавил Артём.

— Я не бью детей.

— Не ты. Толпа.

Мальчик сидел за столом дежурного, закрыв лицо руками. Торговка уже называла его продажным щенком. Артём подошёл и положил рядом тот самый медяк.

— Что мужчина сказал?

— Что в трубе запись, из-за которой у отца отберут телегу.

— У твоего отца есть телега?

— Была. Сломалась.

— Ты видел запись?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что разбил нужную?

Мальчик убрал ладони. На щеке осталась восковая крошка.

— Он показал.

— Как?

— Здесь стоял. Пальцем ткнул.

Полка находилась в пяти шагах от цепи. Чтобы указать нужную трубу, мужчина должен был заранее знать расположение или недавно получить запись.

Марас услышал и велел принести журнал выдачи. Вчера вечером свиток о пошине запрашивал советник Оррас.

Дара прочла строку дважды.

— Он мог работать для заседания.

— Мог, — сказал Марас.

— И мог не вернуть запись сам, — добавил Артём.

— Мог.

Имя в журнале ничего не доказывало. Оно только делало простую картину невозможной: серый плащ уже нельзя было уверенно послать в лагерь Ровена. Удар мог прийти из совета, от дорожных сборщиков, от человека, которому требовалась исчезнувшая жалоба, или от всех сразу.

Дара отправила обходчика за Оrrorасом, но тот вернулся один. Советник находился у Эссы и отказался покидать заседание. Через четверть часа явился его слуга с аккуратной свёрнутой копией жалобы.

— Господин Оrrorас брал её для обсуждения пошлин, — сказал слуга. — Вернул писцу Нете до заката.

Нета покраснела.

— Он положил свиток на край стола. Я была занята плитой. Потом отнесла всё в шкаф.

— Всё или то, что лежало на столе? — спросил Марас.

— Всё, что видела.

Слуга положил копию рядом с каталогом. На ней стояла печать Оrrorаса и вчерашняя дата. Если советник хотел уничтожить содержание, делать собственную копию было нелепо. Если хотел доказать невиновность — слишком предусмотрительно.

— Неправильная победа, — тихо сказал Артём.

Марас поднял глаза.

— Что?

— На семинаре нам давали задачу: восстановить сражение по трём сообщениям. В каждом свой победитель. Преподаватель спрашивал, кто победил правильно. А потом объяснял, что вопрос неправильный. Сначала надо выяснить, что каждый называл победой.

Он коснулся пропавшей строки в каталоге.

— Если цель была уничтожить жалобу, они проиграли: есть копии. Если заставить архив закрыться — почти победили. Если поссорить Дару и Мараса — тоже. Если показать, что совет прячет восточные записи, им достаточно одной цепи.

Дара посмотрела на открытую среднюю арку. Люди всё ещё стояли у стола. Каждый номер читался вслух.

— Значит, цепь снимаем.

— Камень могут бросить снова, — сказала Нета.

— Тогда поймаем руку, а не закроем рот.

Обходчики сняли цепь. Торговка первой прошла внутрь, получила запись о жалобе и демонстративно уселась читать её прямо на ступени. За ней вошли остальные.

К полудню вернулась копия из гильдии гончаров. Содержание совпало с копией Оrrorаса, кроме одной строки. В гильдейской версии сборщик говорил: «Единая дорога не может кормить два города». В копии советника было: «Одна дорога не может платить двум городам».

— Кормить или платить? — спросила Дара.

— Знаки похожи, — ответил Марас. — Переписчик мог ошибиться.

Артём почувствовал, как волосы на руках приподнимаются.

— В будущей речи есть хлеб.

Он нашёл на дощечке фразу: «кто складывает оружие, получает хлеб».

— Фраза Ровена складывается не только из сегодняшних слов, — сказал он. — В неё попадают старые сборщики, приказ на обозе, надпись на весовой. Кто-то собирает лучшие формулировки много лет, а потом вкладывает их ему в рот.

— Или он сам повторяет то, что прижилось, — сказала Дара.

— Тогда это не речь перед штурмом. Это речь, которую делали вместе десятки людей, споря о пошлине, зерне и сараях. Летописец убрал спор и оставил одного великого автора.

Марас провёл пальцем по строкам.

— Истории любят одного говорящего. Ему проще поставить памятник и проще отрубить голову.

— Но зачем менять «платить» на «кормить»?

— Чтобы пошлина стала заботой.

Нета перестала писать.

— Если поздняя речь ещё не сказана, можно заставить его не сказать её.

— И что изменится? — спросил Артём. — Летописец всё равно соберёт её из этих записей.

Он осёкся. Слова прозвучали так, будто будущая ложь неизбежна. Именно этого он боялся в Ровене: тот превращал желаемый итог в оправдание каждого шага. Теперь Артём делал то же самое с летописью.

— Нет, — исправился он. — Можно сохранить происхождение каждой фразы. Тогда даже если речь появится, рядом останутся швы.

Марас оживился.

Они составили не рассказ, а перечень. Фраза. Где впервые записана. Кто слышал. На каком материале. Какая копия старше. Какие слова расходятся. Для каменной плиты указали белую пасту и отпиленный край. Для приказа на обозе — различие между письменным соглашением и устным требованием возчика. Для жалобы гончаров — обе версии спорной строки.

Запись получилась некрасивой. В ней не было героя, ясной причины и торжественного вывода. Зато ни одно утверждение не притворялось единственным.

— Название? — спросила Нета.

Марас предложил: «Сопоставление слов об общей мере».

Дара поморщилась.

— Даже вор заснёт, пока прочитает.

— Для воров у нас есть цепь.

Артём вспомнил университетские сноски, которые пролистывал ради основного текста. В одной из них его ждало невозможное послание: считай живых, не закрывай. Может быть, кто-то уже пытался оставить швы, но будущие читатели предпочли гладкую речь.

— «Из чего сложили победу», — сказал он.

Марас задумался.

— Слишком обвинительно.

— «Слова до победы».

— Победы ещё нет.

— В этом смысл.

Так и записали: «Слова до победы». Три копии. Одна в открытом шкафу, одна в нижнем хранилище, одна у гончаров. Четвёртую Дара забрала обходчикам.

Когда Нета закончила, на площадь вышел городской глашатай. Он развернул дощечку с решением совета.

Лаор разрешал жителям добровольно принимать работу Ровена, но запрещал хранить его зерно внутри стены. Город выкупал первую часть обоза за счёт дворцового запаса и продавал по прежней цене. Общие весы должны были проверить по трём наборам гирь: дворцовому, гильдейскому и дорожному. Ни один солдат Ровена не мог войти для охраны.

Толпа встретила решение без радости. Одним казалось, что совет уступил. Другим — что упустил бесплатное зерно. Торговка у ступени громко заявила, что дворец сначала забрал два водяных желоба, а теперь изображает щедрость собственным запасом.

— Третий вариант, — сказала Дара Артёму. — Город покупает обоз.

— Эсса нашла деньги?

— Отложила ремонт западной башни.

— Значит, мы просто перенесли цену.

— Любое решение переносит цену. Вопрос — на кого и с его ли согласия.

На площади появился Эннар с двумя безоружными писцами. Он выслушал решение и попросил копию жалобы гончаров. Марас велел дежурному выдать её как любому горожанину.

— Он не горожанин, — заметила Дара.

— Открытый архив либо открыт, либо называется иначе.

Эннар получил свиток, прочёл обе версии спорной строки и задержался у новой записи.

— «Слова до победы», — произнёс он. — Вы уже назначили победителя?

— Нет, — сказал Артём. — Поэтому оставили место для ошибки.

— Полководец оценит заботу о его словах.

— Это не его слова.

Эннар улыбнулся.

— Пока.

Он ушёл, унося копию жалобы. Артём смотрел ему вслед и понимал, что открытость тоже имеет цену. Они только что добровольно показали противнику, какие следы заметили и как собираются их сохранять.

— Может, не стоило отдавать? — спросил он.

— Стоило, — ответил Марас. — Тайна защищает запись до первого предателя. Множество копий защищает её после.

— А если он изменит речь, чтобы обойти наши доказательства?

— Тогда мы узнаем, что он читает.

К вечеру вернулся человек из гильдии. У восточной канавы Ровен согласился продать городу часть зерна. Весы показали расхождение: дорожная гирия была тяжелее дворцовой на половину пальца металла. Для покупателя это означало меньше зерна за ту же монету.

Полководец приказал переплавить свою гирию при свидетелях.

Толпа приветствовала его.

— Он снова победил, — сказала Нета.

— В чём? — спросил Артём.

Она уже поняла вопрос и задумалась.

— В праве исправить собственную ошибку первым.

Марас убрал копию «Слов до победы» в глиняную трубу.

— Запиши и это.

Нета взяла резец.

Артём вышел к аркам. Площадь медленно пустела. Осколки разбитых труб смели в корзину, мокрые свитки сушились под полотном, мальчика отпустили к отцу после того, как записали его показания и имя. Цепь снова лежала у стены.

За один день будущая речь Ровена получила старую пошлину, новое зерно, исправленную гирию и человека с багром. Победа ещё не случилась, но слова для неё уже отбирали лучшие места.

Артём прежде думал, что ложная история начинается там, где писец меняет факт. Теперь видел: она могла начаться раньше, когда из множества правильных фактов выбирали те, что складывались в красивую судьбу одного человека.

На полке появилась новая труба. На ней Нета написала название и дату.

«Слова до победы».

Не опровержение. Не приговор. Всего лишь швы, которые отказались прятать.

Глава 7. Дом архивиста

Дом Мараса оказался меньше комнаты, которую Артём снимал в общежитии на троих, и больше всего, что он успел назвать домом за последние двое суток.

Он стоял под наклонной стеной древней башни. Строители прислонили к чёрному камню два этажа из светлого кирпича, прорубили окна там, где позволяли старые рёбра, и накрыли двор полосами промасленной ткани. Сверху капала вода. Капли ударяли по натянутому полотну, стекали в жёлоб и падали в бочку с таким размеренным звуком, словно кто-то за стеной считал время.

Марас открыл дверь плечом. В одной руке он держал корзину с мокрыми свитками, в другой — трубки с копиями «Слов до победы».

— Сапоги у порога, — сказал он. — Плащ на нижний крюк. Верхний не трогай.

— Почему?

— Он падает.

Артём повесил плащ на нижний. Верхний крюк тут же отвалился сам и звякнул о пол.

Марас посмотрел на него с подозрением.

— Я не трогал.

— Именно это говорят люди, рядом с которыми ломается история.

Из дальней комнаты вышла Лейна. Днём в архиве Артём видел её только мельком, с кожаной сумкой лекаря и засученными рукавами. Теперь на ней был длинный серый передник, испачканный мукой и чем-то зелёным. Она забрала у брата корзину, понюхала верхний свиток и нахмурилась.

— Вода с площади?

— Из желоба.

— Значит, ещё жир, голуби и сапоги всего верхнего яруса. На кухню не носи.

— Я и не нёс.

— Ты стоишь на кухне.

Марас огляделся. Дверь открывалась прямо в комнату, где горела низкая печь, висели связки трав и на широком столе остывала круглая лепёшка. Вдоль стены тянулись полки с мисками, банками и свёрнутыми записями. Отделить кухню от архива мог бы только человек с очень богатым воображением.

— Тогда у нас весь дом кухня, — объявил Марас.

— Наконец-то ты понял.

Лейна поставила корзину у жаровни и велела Артёму протянуть руки. Он послушался. Она перевернула их ладонями вверх, осмотрела ссадины, нажала на запястье, потом без предупреждения подняла ему веко.

— Я здоров.

— Здоровые не оказываются ночью внутри запертой библиотеки.

— Это историческое событие, а не болезнь.

— Историческое событие тоже может гноиться.

Она отпустила его и кивнула на таз у стены. Рядом лежал кусок серого мыла, пахнущий золой. Артём вымыл руки. Вода сразу стала тёмной: архивная пыль, воск, ржавчина с цепи и земля восточной канавы всё ещё держались под ногтями.

Лейна подала ему чистую тряпицу.

— И лицо.

— С лицом что?

— Оно чужое. Может, отмоется.

Марас усмехнулся и получил от сестры ложкой по пальцам, когда попытался отломить край лепёшки.

За столом стояли четыре миски.

Артём заметил это не сразу. Одна перед Марасом, одна перед Лейной, одна на свободном конце, где ему велели сесть. Четвёртая — у окна. Под ней лежал кусок ткани, сложенный вдвое, чтобы не качалась на неровной доске. Рядом стояла кружка с отколотым краем.

— Иви задерживается, — сказала Лейна, заметив его взгляд.

Марас перестал тереть мокрый свиток сухим песком.

— Она обещала вернуться до тёмного звона.

— До звона ещё есть время.

— В нижних мастерских звон слышен позже.

— Колокол от этого не виноват.

Они говорили спокойно, но свободная миска сделала тесную комнату ещё теснее.

Лейна налила похлёбку из котла. В ней плавали чечевица, лук и кусочки жёсткого мяса. Артём взял ложку и понял, что голоден так сильно, что у него дрожат пальцы. Последний раз он ел утром лепёшку у архива. До этого — зерновую кашу во дворце. До этого, в другом мире, был холодный кофе и половина булочки у университетского автомата.

Воспоминание пришло без предупреждения. Белая бумажная кружка. Синий стол. Сообщение матери: «Ты опять не спал?» Он не ответил, потому что собирался закончить описание рукописи за двадцать минут.

Здесь прошло два дня. Там — тоже? Или две минуты? Или он исчез из читального зала вместе с рукописью, и теперь охрана смотрит запись, на которой студент наклоняется над столом и больше не поднимает головы?

— Не нравится? — спросила Лейна.

— Что?

— Еда.

Артём понял, что держит полную ложку перед ртом.

— Нравится.

Он проглотил слишком быстро и обжёг язык.

— По лицу видно, — сказала она. — У вас дома тоже варят чечевицу?

— Варят. Только я почти не умел.

— Чечевицу невозможно не уметь. Вода, горшок, огонь.

— У меня однажды сгорела вода.

Марас оторвался от свитка.

— Это перевод или точное свидетельство?

— Вода выкипела. Кастрюля почернела.

— Значит, сгорела кастрюля.

— Мать сказала, что я первый человек в семье, который сумел сжечь воду.

Лейна поставила перед ним ещё кусок лепёшки.

— Мать жива?

Вопрос был обычный. От этого ответить оказалось труднее.

— Когда я ушёл, была жива.

Марас медленно положил свиток на стол.

Никто не спросил, почему он говорит «когда ушёл», а не «сейчас». Лейна только отодвинула от огня котел, чтобы похлёбка не густела. В доме стало слышно капли над двором.

— Как её зовут? — спросила она.

— Елена.

— Запиши.

— Зачем?

— Ты рассказывал, что внизу машина потребовала имена живых. Если город снова начнёт считать, не оставляй своих за краем только потому, что они далеко.

Артём хотел сказать, что расстояние измерялось не дорогой. Что между Еленой Ведениной и этим столом лежали, возможно, три века и мир, которого здесь никогда не будет. Но достал дощечку, выданную Нетой, и вывел имя матери местными знаками. Потом добавил отца: Виктор. Родители развелись, когда Артёму было двенадцать, и говорили друг о друге только по необходимости. На воске им пришлось стоять рядом.

Лейна не читала через плечо. Она разломила лепёшку и положила половину возле пустой миски.

Снаружи ударил колокол.

Один раз. Потом второй. Звук спустился по стене башни, прошёл сквозь посуду и замер в столе.

Марас поднялся.

— Тёмный звон, — сказал он.

— Я слышу, — ответила Лейна.

Он подошёл к окну. За стеклом из тонких мутных пластинок темнел проход. Люди возвращались с верхнего рынка, несли корзины и свёрнутые навесы. Никто не шёл со стороны лестницы нижних ярусов.

— Иви взрослая, — сказала Лейна.

— Это не защита от падающего камня.

— Детство тоже не защита.

— У неё сегодня проверка подъёмной рамы.

— Поэтому она и задержалась.

Марас взял плащ с нижнего крюка. Артём встал вместе с ним.

— Я пойду.

— Ты никуда не пойдёшь без Дары.

— Тогда позовём Дару.

— Пока мы позовём её, Иви вернётся и будет смеяться.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Пусть смеётся.

Лейна посмотрела на Артёма внимательнее, чем во время осмотра.

— Садитесь оба. До третьего звона.

Марас не сел. Он стоял у окна и двумя пальцами перебирал край плаща. Артём остался возле стола. Он не знал Иви. Знал только строчку в собственной памяти: дочь архивиста, мастер древних механизмов. В поздней летописи такого имени не было. Ни Иви, ни Мараса, ни Лейны. Эсса исчезала после штурма. Дара упоминалась один раз как начальник мятежной стражи. Люди, чья похлёбка стояла перед ним, уже были стёрты так тщательно, будто никогда не сидели за этим столом.

На лестнице послышались быстрые шаги.

Марас открыл дверь прежде, чем в неё постучали.

На пороге стояла молодая женщина в кожаном нагруднике, заляпанном светлой глиной. Волосы были коротко обрезаны у висков, остальное собрано в тугий узел. Через плечо она несла длинный медный рычаг, а в руках — тяжёлую деревянную коробку. Из-под крышки торчали пучки проволоки.

— Ты опоздала, — сказал Марас.

— И тебе добрый вечер.

— Звон уже был.

— Я слышала.

— Где?

— В трёх пролётах от дома.

— Тогда могла идти быстрее.

— Могла бросить коробку и скатиться по перилам. Но коробка дороже моих коленей.

Она вручила её отцу. Марас машинально принял вес, отступил и только тогда вспомнил, что сердится.

— Мы ждали.

— Значит, поедим вместе.

Иви поцеловала его в висок, прошла к Лейне, получила объятие и лишь после этого заметила Артёма.

Её взгляд остановился сначала на его лице, потом на чужой рубаше, которую дал Марас, затем на дощечке с именами родителей.

— Это тот самый будущий покойник?

— Чужак, — поправил Марас.

— Ты вчера сказал: «Если он снова полезет к машине, станет покойником».

— Он не полезет.

— Тогда не тот самый.

Иви поставила рычаг у стены и протянула Артёму руку. На пальцах у неё были кожаные накладки, а ногти блестели от медной пыли.

— Иви Марасова.

— Артём Веденин.

Она сжала его ладонь крепко, без проверки силы и без осторожности.

— Ты правда читаешь мёртвых?

— Только если они оставили разборчивые записи.

— Значит, как отец, но с более дорогим произношением.

Марас вернул ей коробку.

— Почему задержалась?

Иви села у своей миски и принялась развязывать защитные накладки.

— Подъёмная рама остановилась между ярусами. Верхняя защёлка решила, что площадка пустая, нижняя — что перегружена. Мы снимали обе.

— Рама старая, — сказал Марас.

— Очень полезное наблюдение. Завтра высеку его на камне.

— Я говорил заменить тяги.

— А я говорила, что новые тяги не исправят чашу веса.

— Ты могла послать мальчика с мастерской.

— Могла. Но мальчик держал площадку, чтобы она не уехала вниз вместе с двумя рабочими.

Лейна поставила перед племянницей горячую миску.

— Кто пострадал?

— Никто.

— Это ответ мастера. Теперь ответ лекарю.

Иви вздохнула.

— У Сорна содрана ладонь. У Вены ушиб бедра. Мне защемило палец.

Она показала левую руку. Средний палец распух у сустава.

Марас побледнел так быстро, что Артём понял: его тревога у окна была привычной, отработанной до мелочей. Лейна подвинула лампу и осмотрела палец.

— Сгибается?

— Если очень попросить.

— Проси.

Иви согнула. Выругалась.

— Не сломан. Холод приложишь после еды.

— Вот видишь, — сказала Иви отцу. — Даже палец остался при мне.

— Сегодня.

— И вчера.

— Позавчера ты обожгла плечо.

— На работе бывает жарко.

— В прошлом месяце тебя вытащили из водосброса.

— Я сама вышла.

— По верёвке, которую держали шестеро.

— Значит, вышла не одна.

В голосе Иви ещё слышалась шутка, но ложку она положила. Лейна продолжала есть, будто спор был таким же обычным предметом в доме, как качающаяся миска.

— Отец, — сказала Иви, — если я перестану ходить вниз, рамы не станут моложе.

— Пусть совет найдёт другого мастера.

— Совет уже нашёл. Меня.

— Я не для того учил тебя знакам.

— Ты учил, чтобы я их читала.

— Записи. Не машины.

— Машины тоже записи. Только тяжёлые и иногда падают.

Марас посмотрел на Артёма, словно тот привёл дочь к такому выводу, хотя они познакомились минуту назад.

— Скажи ей.

— Что?

— Что машина не текст.

Артём вспомнил зал, вода в котором поднималась у него до груди. Каменная строка требовала имени, площадка считала живых, неправильный жест мог открыть не ту заслонку.

— Текст тоже может убить, — сказал он. — Просто медленнее.

Иви подняла кружку в его сторону.

— Мне нравится будущий покойник.

— Не поощряй его, — отрезал Марас.

Артём ожидал, что спор продолжится, но Лейна ударила ладонью по столу.

— Еда стынет. Опасности подождут до пустых мисок.

Это оказалось законом дома. Иви стала есть. Марас сел, хотя продолжал хмуриться. Лейна рассказывала, как днём к ней привели возчика Ровена с разбитым носом: он пытался объяснить местной торговке, что дорожная гиря честнее городской, и получил той самой гирей. Артём не понял, шутит она или нет. Иви смеялась, Марас требовал имя свидетеля, а за окном темнело.

Когда миски опустели, Иви открыла коробку.

Внутри лежали два металлических диска, связка тонких стержней и кусок серого камня размером с ладонь. На камне тянулись три строки древних знаков. Артём придвинулся прежде, чем успел вспомнить запрет Эссы.

— Не трогай, — одновременно сказали Марас и Иви.

Он убрал руку.

— Я только посмотреть.

— Все беды начинаются с человека, который только посмотрит поближе, — сказала Иви.

Она повернула камень к лампе. В выемках осталась белая глина.

— Это стояло под чашей веса. Когда рама остановилась, край откололся. Я видела такие знаки на старых водных воротах, но там порядок другой.

Артём прочёл первую строку без труда: «Принято сверху». Вторая была стёрта посередине. Третья, если верить учебной реконструкции, означала «лишнее отдать вниз».

— Сброс груза, — сказал он.

Иви покачала головой.

— Если бы рама сбрасывала груз, мы бы сейчас искали двух рабочих под нижней площадкой.

— Может быть, предписание не сработало.

— Оно сработало. Чаша стала легче, защёлка отпустила.

Она вынула один диск. Тот был цельным, с узким прорезом по краю.

— Вот что рама отдала вниз.

— Противовес?

— Мы называем его возвратной долей. Когда площадка поднимает груз, часть веса принимают чаши в стене. Потом доля должна вернуться, иначе следующая площадка окажется тяжелее, чем думает рама.

Артём снова посмотрел на строку. Не «лишнее отдать вниз». Он проговорил знаки в старом порядке, меняя падеж.

— «Полученное верхом вернуть нижнему».

— Верхом? — переспросил Марас.

— Не сверху. Тот, кто находится выше и пользуется подъёмом. Полученное верхним должно вернуться нижнему.

Иви постучала ногтем по диску.

— Тогда понятно, почему она отказалась поднимать второй груз. Нижняя чаша не получила долю после первого.

— В учебных переводах это называли законом избавления от излишка, — сказал Артём.

— Его связывали с военными складами. Победитель забирает нужное, ненужное отправляет вниз.

— Удобный закон, — заметила Лейна. — Особенно если живёшь наверху.

Марас придвинул лампу.

— Почему порядок слов изменился на водных воротах?

Иви достала из кармана восковую полоску с нацарапанной копией.

— Там: «Нижний возвращает верхнему полученное водой». Я думала, мастер ошибся.

— Или это не приказ, — сказал Артём. — Это две половины счёта. Верхние пользуются подъёмом и возвращают долю вниз. Нижние пользуются водой и возвращают долю вверх. Машина не делит город на главных и лишних. Она следит за обменом.

Иви улыбнулась не ему, а камню. Так, наверное, улыбался Марас, когда находил верную дату в груде противоречивых копий.

— Значит, у рамы где-то есть запись о том, сколько верхний ярус задолжал нижнему.

— Если чаша это помнит.

— Она помнит. Поэтому сегодня нас чуть не раздавила.

Марас закрыл коробку.

— Завтра покажете совету.

— Сначала проверим на пустой площадке, — возразила Иви.

— Сначала покажете Даре.

— Дара умеет держать меч. Чашу она не починит.

— В восточном квартале стоят люди Ровена. Сегодня они принесли зерно, завтра захотят подъёмники.

Иви перестала улыбаться.

— Уже захотели.

Марас медленно поднял крышку коробки, будто не расслышал.

— Кто?

— Двое из обоза пришли в мастерскую перед закатом. Спросили, сколько рам ведёт в нижние жилые ярусы и какой груз выдерживает каждая.

— И ты ответила?

— Сказала, что считаю камни, а не солдат.

— Они назвались?

— Один — Брен, смотритель телег. Второй имени не дал. У него не хватало половины уха.

Артём почувствовал знакомое неприятное движение памяти. Половина уха. В поздней летописи был сотник с прозвищем Полуухий, который якобы первым ворвался в нижний город через «ворота мятежников». Имя Артём не помнил. В примечании говорилось, что тот воспользовался тайным военным подъёмом.

— Это не военный подъём, — сказал он.

— Что? — спросила Иви.

— В моей книге нижние ярусы называли лагерем мятежников. Ровен вошёл туда через тайный военный подъём. Но у вас нет военного подъёма. Есть грузовые рамы.

— И жилые площадки, — добавила Иви. — На них возят детей, больных, воду, уголь.

Марас уже доставал чистую дощечку.

— Опиши второго.

— Высокий. Светлая борода. Половины левого уха нет. На рукаве дорожная петля.

— Дорожная петля — знак охраны обоза? — спросил Артём.

— Знак человека, который имеет право останавливать телеги на дороге, — ответил Марас. — При Ровене это почти одно и то же.

Лейна встала и сняла с полки кожаную сумку.

— Куда? — спросил брат.

— В восточный квартал.

— Ночью?

— У Савы печи работают ночью. После истории с гирей там обязательно кому-нибудь разобьют голову.

— Пошли ученика.

— Ученик не умеет зашивать щеку.

— Тогда возьми обходчика.

— Возьму, если встречу.

Марас встал между ней и дверью.

— Сегодня никто из этого дома не идёт вниз или на восток один.

— Я хожу туда пятнадцать лет.

— Сегодня люди Ровена считают подъёмники.

— Тем более врачу надо быть там, где могут понадобиться руки.

Они смотрели друг на друга одинаково: подбородки чуть подняты, пальцы прижаты к столу. Артём впервые заметил, как похожи брат и сестра. Не лицом — решением, которое уже принято и только ждёт, кто первым устанет спорить.

Иви взяла медный рычаг.

— Я провожу.

— Ты никуда не идёшь, — сказал Марас.

— Тогда она пойдёт одна.

— Никто не пойдёт.

В дверь постучали трижды, с короткой паузой после первого удара.

Марас схватил тяжёлый подсвечник. Иви перехватила рычаг двумя руками. Лейна осталась возле двери, будто спор не прерывался, а просто получил нового участника.

— Кто? — спросила она.

— Дара.

Марас открыл.

Командир обходчиков вошла без плаща. На плече у неё блестели капли дождя. За поясом был короткий меч, а в руке — сложенный лист.

Она окинула комнату взглядом: подсвечник, рычаг, лекарскую сумку, Артёма у коробки.

— Хорошо проводите вечер.

— Ты вовремя, — сказала Лейна. — Идём к Саве.

— Уже не нужно. Щёку зашили без тебя.

— Кому?

— Возчику Ровена. Сава ударила его деревянной мерой, железную у неё отобрали.

Лейна медленно поставила сумку на стол.

— Жить будет?

— К сожалению для рассказа, да.

Дара развернула лист. Это была копия записи обходчика у восточной канавы.

— После проверки гирь люди Ровена спрашивали про нижние дороги. Трое — у гончаров, двое — возле канатных навесов. Предлагали работу тем, кто знает старые лестницы. Платили за число ступеней и закрытых проходов.

Иви назвала смотрителя телег и мужчину без половины уха.

Дара записала приметы.

— Полуухого видели у западной грузовой рамы.

— Он был в моей мастерской, — сказала Иви. — Спрашивал нижние жилые площадки.

Дара повернулась к ней:

— Ты отвечала?

— Нет.

— Он видел схему?

— На стене висят только сменные работы.

— Там есть номера рам?

Иви замолчала.

Этого хватило.

— Снимите все схемы до утра, — приказала Дара. — На каждую раму поставлю двух обходчиков.

— Если поставить вооружённых людей у жилых площадок, нижние решат, что совет закрывает выход, — сказал Артём.

Дара бросила на него быстрый взгляд.

— Тогда без оружия напоказ.

— Они всё равно узнают обходчиков, — возразила Иви. — И будут правы. Если вы не умеете чинить защёлку, двое людей возле рамы ничего не защитят.

— Что предлагаешь?

Иви открыла коробку и показала отколотую надпись.

— Проверить чаши. Рама сегодня остановилась не из-за поломки. Верхний ярус не вернул нижнему долю веса. Если таких долгов много, любой, кто нагрузит площадки по старым таблицам, может обрушить тяги.

Дара выслушала объяснение Артёма о двух половинах счёта. Потом взяла диск и взвесила на ладони.

— Сколько нужно времени?

— На одну раму — час, если не придётся лезть в стену.

— Рам к нижним жилым ярусам девять.

— До утра успеем проверить четыре.

— Какие важнее?

Иви перечислила: западная грузовая, две водяные и большая жилая у восточных печей.

— Восточная первая, — решила Дара.

— Нет, — сказал Артём.

Все повернулись к нему.

Он сам не ожидал, что возразит так быстро. В будущем именно через «тайный военный подъём» люди Ровена входили в нижний город. Легко было решить, что восточная рама и есть тот путь. Слишком легко.

— Если Полуухий уже видел номер восточной, он ждёт, что мы начнём с неё. Может наблюдать за мастерской, за Иви, за тем, кого вызовут. Сначала проверьте раму, о которой он не спрашивал. Узнаем, общий ли долг у системы. А восточную осмотрите, когда сможем закрыть подходы без толпы.

— Ты предлагаешь оставить жителей на опасной раме, чтобы не показать врагу нашу тревогу? — спросила Дара.

Фраза ударила точнее обвинения. Так рассуждал Ровен: несколько людей допустимо поставить под риск ради большого порядка.

— Нет, — сказал Артём. — Остановить её сейчас. Сказать правду: проверка чаши после сегодняшнего сбоя. Не устраивать тайную засаду и не пользоваться людьми как приманкой.

Дара подождала, не добавит ли он что-нибудь.

— Так лучше.

Она распределила работу. Керн перекроет восточную раму и позовёт жителей помочь перенести грузы к лестнице. Иви, Мета и два мастера проверят западную, не связанную с расспросами. Дара обойдёт остальные площадки и снимет со стен открытые схемы. Марас сделает копии предупреждения для мастерских. Лейна останется дома.

— Почему я? — спросила лекарь.

— Потому что сюда приведут раненых, если мы ошибёмся.

— Убедительно.

— И потому что Артём не может идти без надзора.

— Уже хуже.

Артём поднялся.

— Я нужен Иви. Без меня надпись...

— Ты прочёл её, — перебила Дара. — Теперь мастера проверят чтение вещью. Если пойдёшь, будешь смотреть на каждый знак и находить подтверждение своей книге. Останешься — попробуешь найти, почему ошибся.

Марас одобрительно хмыкнул.

— Она учится.

— У тебя, к сожалению.

Иви уже надевала накладки.

— Мне нужен не пророк, а точная копия строки. Сделаешь?

Артём взял восковую дощечку.

Он срисовал отколотый край, каждую выбоину и три спорных знака. Иви стояла рядом, проверяла расстояния и дважды заставила начать заново. На третьей копии она кивнула.

— Теперь похоже на вещь, а не на красивую надпись.

Она сунула дощечку за пазуху. Марас принёс ей короткий плащ, застегнул у горла и слишком долго поправлял пряжку.

— Я вернусь до малого звона, — сказала Иви.

— Сегодня ты уже обещала.

— Сегодня я уже вернулась.

Он хотел возразить, но она коснулась здоровой рукой его щеки.

— Отец. Я вернусь не потому, что машины безопасны. Я вернусь потому, что мы умеем держать площадку шестью руками.

Марас посмотрел на её распухший палец.

— Семью держат не так.

— А как?

— Не знаю. Я архивист. Я только записываю ошибки.

— Тогда эту пока не записывай.

Иви вышла вместе с Дарой. В проходе к ним присоединилась Мета. Шаги стихли на лестнице.

Марас закрыл дверь, проверил засов и сразу снова открыл, словно засов мог помешать возвращению. Лейна молча переставила четвёртую миску ближе к печи, чтобы сохранить тепло.

Артём остался у стола с отколотым камнем и именами родителей на воске.

— Что мне делать? — спросил он.

— Ты хотел быть нужным? — сказала Лейна. — Мой миски.

Он засучил рукава.

Вода в тазу быстро остыла. Мыло скользило из рук. Марас сел у лампы и начал писать предупреждение мастерским: после сбоя не пользоваться грузовыми рамами без проверки возвратных чаш. Каждое слово он произносил вслух. Артём поправил «лишнюю долю» на «полученную долю». Марас сердито зачеркнул целую строку и переписал.

Лейна перебирала лекарства. Она отложила бинты, иглы, пузырёк с крепким запахом и три деревянные шины. Не спрашивала, понадобятся ли. Просто готовила.

— У вас всегда так? — спросил Артём.

— Как?

— Спорите, а потом всё равно помогаете делать то, против чего спорили.

— Если любишь человека, это не значит, что можешь выбирать за него, — ответила Лейна. — Но можно приготовить шину на случай, если он выбрал плохо.

Марас не поднял головы.

— Она выбирает плохо слишком часто.

— И возвращается слишком часто, чтобы ты признал её взрослой.

— Взрослые тоже ломают пальцы.

— Да. Поэтому взрослым тоже нужна семья.

Слово прозвучало просто, без торжественности. Артём поставил вымытую миску на полку. Рядом уже стояли три. Он не знал, куда ставят четвёртую, и оставил место.

Марас закончил первую копию предупреждения. Вторую он дал Артёму.

— Переписывай.

— Мой почерк все узнают.

— Поэтому не подменишь мою запись незаметно.

Артём сел. Местные знаки всё ещё требовали усилия. Рука пыталась вести привычные буквы, и в каждом слове появлялся оттенок мёртвого языка. Он переписывал медленно. Полученное верхним вернуть нижнему. Не избавление от лишнего. Не приказ победителя. Обмен, без которого ломалась машина и город становился опаснее для тех, кто жил внизу.

Когда он закончил четвёртую копию, снаружи снова послышались шаги.

На этот раз Марас не схватил подсвечник. Он замер с резцом над воском.

Дверь открылась.

Иви вошла первой. На щеке у неё была чёрная полоса, плащ промок, зато обе руки она держала перед собой целыми. За ней стояла Дара.

— Западная рама должна нижним семь долей, — сказала Иви вместо приветствия. — Кто-то три года снимал возвратные диски и не ставил обратно.

Марас выдохнул.

— Кто?

— Пока не знаем. На дисках знак дворцового склада.

Дара положила на стол медный круг. По краю был выбит знак из трёх лучей.

— Верхний город забирал доли на ремонт своих подъёмников, — сказала она. — Если Ровен нагрузит нижние рамы по старым числам, они встанут или оборвутся. Ему не нужен тайный военный путь. Достаточно заставить жителей одновременно бежать вниз.

Артём посмотрел на плановую запись Мараса. После сбоя не пользоваться рамами.

— А потом летописец назовёт это разрушением ворот мятежниками, — сказал он.

— Пусть сначала попробует, — ответила Иви. — Мы нашли долг.

Она подошла к печи. Лейна подала ей миску, не спрашивая, голодна ли. Марас притянул дочь к себе одной рукой, другой всё ещё держал резец. Иви на мгновение прижалась лбом к его плечу, затем села и принялась есть.

Дара осталась у двери.

— Восточную раму закрыли. Жители недовольны, но помогают носить воду по лестнице. Утром совету придётся объяснить, куда ушли возвратные доли.

— Оurras ведаёт дворцовыми складами, — сказал Марас.

В комнате стало тихо.

То же имя стояло в журнале выдачи пропавшей жалобы гончаров. Само по себе это ничего не доказывало. Могло оказаться совпадением, должностью, чужим распоряжением, старой ошибкой. Артём уже научился не хвататься за красивую связь только потому, что она связывала всё сразу.

— Запишем знак, место и число дисков, — сказал он. — Имя Оurras пока отдельно.

Марас кивнул.

— Учится.

Дара сняла с пояса мокрый плащ и повесила на верхний крюк.

Крюк упал.

Иви рассмеялась с полной ложкой. Лейна сунула Даре тряпицу. Марас заявил, что предупреждал не трогать. Артём поднял крюк и наконец увидел, почему тот не держался: шурупа здесь не знали, железный штырь входил в разбитое отверстие, которое кто-то снова и снова забивал хлебным мякишем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.